

Анатолий Можаровский

Ноль и стая

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

Ноль и стая. *Поэзии*. — К.: ВПЦ «Київський університет»,
М75 2013. — 320 с.

ISBN

В новой книге Анатолий Можаровский пишет о взаимонепонимании, об абсурде бытия нынешнего времени, о трагическом одиночестве человека. Его поэзия удивительно созвучна с творчеством великого итальянского кинорежиссера Федерико Феллини.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

В конце нынешней весны в Украине случились два события, которые как нельзя ярче определили отношение современного общества к книге. Первое: парламентские слушания о проблемах украинского книгоиздания продемонстрировали полнейшее пренебрежение высшей законодательной властью этой важнейшей составляющей культуры — на слушания явились полтора десятка депутатов! Для остальных вопрос, понятное дело, не интересен — бабла тут не срубишь. Да и что им какие-то книги? Чтение никогда не было для них жизненной потребностью, даже и в школьные годы. Второе: вскоре после провальных парламентских слушаний в Киеве прошел довольно громко рекламируемый III Международный Фестиваль “Книжный Арсенал”, который подтвердил абсолютную не востребованность книги и среднестатистическим украинцем. На первый взгляд всё вроде бы гладко и красиво: красочные стены десятков украинских издательств, зарубежные гости, встречи с авторами, презентации книг. Но мало кто из участников за десять дней фестиваля смог реализовать книг на сумму, которая бы перекрыла затраты на аренду места. Все разговоры о том, что, мол, фестиваль не ярмарок, а место деловых и творческих встреч литераторов и издателей, возможность заключить международные контракты на переводы — всего лишь иллюзия и успокоительный самообман: все наши редкие книжные ярмарки и фестивали не что иное, как единственная возможность издательствам продать свою продукцию — и только. Книжных магазинов в Украине практически нет, а те, что сохранились в больших городах, украинскую книгу берут весьма и весьма неохотно. Тысячный тираж любой, кроме, конечно, учебной книги, реализуется у нас десятилетиями... Но почему-то об этом не говорят открыто даже те, кто должен быть кровно заинтересован в функционировании полноценного книжного

рынка, — профессиональные литераторы во главе со своим Союзом писателей. Вернее, наиболее бойкие из них, подсев на гранты различных международных фондов, интенсивно продвигающих в Украину неолиберальные идеи и эрзацы субкульты, взахлёб вещают о прелестях рынка и своей якобы востребованности, покупаемости их гениальных опусов. О книгах, бывает, тоже говорят, но с такой знатете ли снисходительностью: книги, мол, хорошо, но на бумажных носителях они — вчерашний день; будущее за интернетом, электронной книгой; не надо паниковать и кручиниться, что всё меньше книг печатается и традиционные журналы литературные закрываются, всё нормально, прогресс не остановить. Мне вот всегда было интересно: неужели они, постоянно мотаясь по заграницам, не замечают на тамошних улицах потрясающего изобилия книжных магазинов и не обращают внимания на миллионные тиражи продаваемой там художественной литературы? И это при том, что количество компьютеров на душу населения, примером во Франции, намного больше чем в Украине, несравнимо доступнее и сеть интернета. Поневоле задумаешься: а кому это выгодно? О каком таком прогрессе тараторят наши уж больно “европеизированные” деятели от литературы, к месту и не к месту подчёркивая свою оппозиционность к властям? Да какая там оппозиционность! Они верно служат нынешним властимушущим, (а многие не менее преданно служили и предыдущим), помогая превратить народ в дойных коров, в стада принявших человеческий облик овец, ибо всех малость думающих они считают опасными. В своё время возникновение книгопечатания радикально изменило условия распространения культуры, породив читателя. Насаждаемые ныне технологии распространения культуры, вернее субкультуры, убивают читателя, возвращают человека в эпоху раннего средневековья, когда в большинстве своем неграмотные массы удовлетворяли свои культурные потребности балаганными зрелищами. То же и сегодня. Везде балаган. На экранах телевизоров, на страницах глянцевого журналов, на волнах FM станций, на ми-

тингах разношерстных партий, да собственно и в залах Верховной Рады и Кабинета Министров. И везде одни и те же лица: “успешные” политики, бизнесмены, футболисты, артисты, писатели; пиарят во всю себя, родных, бахвалятся дорогими костюмами, роскошными автомобилями и дачами, и время от времени разгоняют сумерки Европы миллионными кутежами по тамошним ресторанам. А глядя на них и народ соблазняется прелестями “красивой жизни”, и, хотя внешне поругивает правительство, депутатов, банкиров и бизнесменов, в душе крепко завидует им и всячески старается подражать, исхитряясь доворовать недоворованное, влезая в непосильные кредиты дабы и себе щегольнуть перед соседом иномаркой или евродачкой, отдыхом на престижных заграницных курортах; покупает за непомерные деньги образование (дипломы) детишкам, мечтая пристроить их на “тёплое” чиновничье местечко — кресло чиновника стало новым алтарём, мир сузился, сжался, чтобы поместиться в ладони, привыкшей отсчитывать не мелкую монету, а тугие пачки долларов. Понятно, что в этих координатах ценностей нет места книге, и весьма уместно говорить о её гибели и всячески способствовать тому, чтобы она окончательно исчезла как источник смуты и вольнодумия. Похожая ситуация описана в фантастическом рассказе Клиффорда Саймака “Поколение, достигшее цели”: некий космический Корабль уже много веков летит в определенную точку Вселенной. Управление и жизнеобеспечение Корабля автоматическое, не требующее участия человека. Экипаж Корабля, несколько сот человек, живёт по раз и навсегда уложенным правилам, здесь все регламентировано, каждый выполняет свою, четко определенную функцию, готовится к этому с детства; определено даже кто на ком женится и когда может завести ребенка — только после смерти конкретного человека. На Корабле запрещены книги, запрещено обучаться грамоте; все необходимые знания люди получают из громкоговорителя, как и ежедневное задание. Все счастливы, недовольных и бунтарей нет. О книгах они знают только из преданий, мол, когда-то дав-

ным-давно были книги, но их уничтожили, ибо они несли гибель. Но есть на Корабле семья, в которой отец, согласно родовому преданию, должен тайно обучить сына грамоте и перед смертью передать ему запечатанный конверт, который он или его сын, а то и правнук, должен будет открыть в Конце пути, о котором тоже смутно говорит предание, чтобы спасти обитателей Корабля. Главному герою суждено стать тем спасителем. Корабль достиг нужной точки, срабатывает автоматика и начинается заход на орбиту. Вдруг всё меняется, ломается привычное течение жизни, на Корабле возникает паника, все обреченно ждут гибели. И спасение, оказывается, именно в книгах, спрятанных на Корабле; отыскать их помогает то заветное письмо. Книги дают знания, необходимые для успешной посадки Корабля и создания нового общества на вновь приобретенной планете. Миссия выполнена. Книги вновь разрешены. Они помогают вывести людей из полуавтоматического состояния, даруя свободу думания, оценки, возвращая каждому индивидуальность и право выбора между добром и злом. Это пугает и не сразу принимается, люди отказываются покидать Корабль, начинается бунт, но и он был предусмотрен создателями Корабля — угрожая отравляющими газами Корабль изгоняет своих обитателей...

Нынешняя жизнь в Украине почти как на том Корабле из рассказа К.Саймака с той только разницей, что там обезличивание человека, превращение его в послушное орудие, в пресловутый винтик корабля-общества было рассчитано и запрограммировано с целью спасения человечества: переселение на другую планету занимало слишком много времени — жизнь десятков поколений — и, учитывая трагический опыт земной истории войн и революций, подъемов и падений государств, у избранных для миссии переселенцев были отобраны книги, научное знание заменено мифами, приостановлено и законсервировано общественное и культурное развитие; это своеобразное толкование библейского сказания о выходе евреев из египетского рабства — что-

бы выжить человек должен оставить не только грехи, но и добродетели, стать стерильным.

Мы тоже как бы выходим из рабства тотальной коммунистической идеи, — по времени уже половину библейского исхода в пути, — но почему-то не становимся лучше, да и наши Моисеи, видать, не знают куда нас вести, ибо заняты в основном обустройством прихваченных по ходу поместий, а глядя на них и мы потихоньку поворачиваем, заражаемся алчностью и завистью, дичаем, забыв о Боге и неизбежности возмездия за растрату жизни. Охотно принимаем навязываемые нам либеральные идеи, не понимая, что это не что иное, как последовательные стадии разрушения человеческого сознания, утраты духовных идеалов, постепенной деморализации, а так называемые законы свободного рынка, попирающие честный труд, угрожают существованию самой культуры. Но вот явился поэт, призванный отрезвить и вразумить нас, не желающий изображать дело так, что всё прекрасно, не желающий бежать от правды в какой-нибудь вымышленный мир. В каждой новой книге Анатолий Можаровский показывает ужас существования в нынешнем мире, где насилие, откровенный бандитизм стали обыденностью, а жизнь каждого человека опутана паутиной нечистых дедаческих интересов. Но мы не спешим прислушаться к его словам, продолжая творить беззакония: понимая грех, — грешить, говоря о Боге, — с упоеанием служить сатане.

И что бы не говорили о смерти книги, а равно как и литературы — книга и литература, если они настоящие, могут многое. “Один день Ивана Денисовича” пошатнул, казалась бы, незыблемую громаду коммунистической системы, а “Архипелаг ГУЛАГ” окончательно свалил её. Жестокая правда книг Анатолия Можаровского — мощнейший удар в основание нынешнего, не менее злобного и жестокого монстра, ошестившегося на мир с развалин своего предшественника — СССР. В поэзии Анатолия Можаровского отображены как в зеркале все мерзости нынешнего времени: массовые нарушения законности, всевластие государствен-

ного аппарата, дичайший тоталитаризм, тусклая жизнь множества украинцев под властью неполноценного руководства, жутчайшее бесправие большинства людей.

Анатолий Можаровский пишет о взаимонепонимании, об абсурде бытия, о трагическом одиночестве человека. Его поэзия удивительно созвучна с творчеством великого итальянского кинорежиссера Федерико Феллини, который также глубоко разрабатывал эту тему: “Наша беда, несчастье современных людей — одиночество. Его корни очень глубоки, восходят к самым истокам бытия, и никакое опьянение общественными интересами, никакая политическая симфония не способны их с лёгкостью вырвать. Однако, по моему мнению, существует способ преодолеть это одиночество; он заключается в том, чтобы передать “послание” от одного изолированного в своем одиночестве человека к другому и таким образом осознать, раскрыть глубокую связь между человеческим индивидуумом и другим”. Поэтические послания Анатолия Можаровского выполняют свою духовную работу, вибрация боли, заложенной в них, бьет читателя, как штормовая волна берег, смывая мусор показных добродетелей, оголяя душу, изъязвленную грехами — потрясение сродни отчаянью! Так написать мог только человек сам переживший подобное состояние: человек — боль человечества, ибо не осознав глубины мировой боли и отчаяния, нельзя постичь человека. Отчаяние, страдание, боль — неотъемлемые составляющие жизни. Боль, страдание, отчаяние — вот ступени развития духа. Нельзя быть гуманным, не страдая. Нельзя стать лучше, не осознав и не ужаснувшись мерзости человеческой. Нельзя понять жизнь, не пережив боли. Суть жизни — в страдании.

Анатолий Можаровский — мастер передачи всей гаммы движений души, ибо для него передать реальность — значит передать мир чувств и настроений, глубину переживаний человека, но при этом он, оставаясь глубоко верующим человеком впитавшим тысячелетний опыт христианской культуры, даже описывая безысходность нынешнего бытия, никогда не позволяет себе и читателю отчаяться, ибо нет

более страшного греха, чем отчаяние: отчаяться — значить возомнить, что ты оставлен Им тоже! Человек, подлинно глубоко заглянувший в самого себя, в итоге услышит глас Божий. Так высшая поэтическая мудрость ведет к религиозному миропостижению, к идее мирового порядка, связанной с представлением о Божественном начале, о жизни за Божьими Заповедями. Многие ли наши современники имеют право называться христианами?

Чтобы точно и ёмко передать дух современного мира в котором люди живут, растрачивая себя в мелких делишках, ничтожных заботах, показать трагедию поколения, сложившегося на разломе эпох, лишённого социальных и нравственных ориентиров, Анатолий Можаровский создал свой стиль, свою форму стиха, ритм и диссонансы, которые многих ошеломляют “непоэтичностью”, но именно эта, разработанная им стихотворная техника позволяет ему исследовать и сделать ощутимым для всех глубоко затаенный душевный надлом людей нашего сегодняшнего безвременья, для которых больше не существует никаких иллюзий, да собственно и надежды хотя бы на что либо — лучшую жизнь, какую-никакую работу, любовь и понимание близких. Намеренно уходя от традиционных форм стихосложения, Анатолий Можаровский хочет подчеркнуть, что настоящая поэзия не создается в формах двадцатилетней давности: если поэт пишет в старой манере, он черпает из устаревшей жизни. Жизнь меняется. Меняется форма и содержание поэзии. Новая поэзия должна быть полностью лишена сентиментальничанья и манерничанья старой, должна отбросить риторическое пустозвонство и показное бунтарство. Она должна быть сильна правдой, отличаться энергией мысли, да и язык должна сменить на более строгий и точный: отбросить красивые прилагательные, притупляющие остроту душевного потрясения. В своё время такую цель преследовал и Томас Стернз Элиот: “Это то самое, к чему я так долго стремился: творить поэзию, которая была бы поэтична по существу своему, без всякой внешней поэтичности, поэзию, обнажённую до костей, настолько прозрачную,

чтобы при чтении мы обращали внимание не на самые стихи, а лишь на то, на что они указывают. Стать выше поэзии, как Бетховен в своих поздних произведениях стремился стать выше музыки.”

Если политики не способны сказать правду, ее говорят поэты. Анатолий Можаровский сумел сказать правду о своей эпохе, не думая о славе, успехе и почестях. Он понимает, что сегодняшняя популярность чаще всего — нехудожественность, и что для настоящего художника, как говорил О.Уальд, публики не существует. Он не сетует, что книги его издаются мизерными тиражами да еще при нынешнем всеобщем нечтении и неуважении к книге. И в этом, наверное, тоже подарок судьбы, а скорее всего — Божье предвидение, милость — отвести от него соблазн испытания славой и популярностью: скольких уже погубила мирская слава... Вообще же это вечная проблема — как уберечь свой Богом данный талант от влияний, от славы, от жажды жизни, от жизни в витрине и под постоянным прицелом тысяч глаз. Для творчества необходимы внутренняя тишина, уединение — только они способствуют вынашиванию идей и их последующей записи, работе фантазии и воображения, без которых невозможно оставаться поэтом. О популярности, страсти к многописанию и печатанию много размышлял и писал в “Дневнике” Лев Толстой, говоря, что это “...есть бедствие. Чтобы избавиться его, надо установить обычай, чтобы позорно было печататься при жизни — только после смерти. Сколько бы осадку село и какая бы пошла чистая вода”.

Поэт Анатолий Можаровский равнодушен к жизненным благам и свободен от власти вещей. Это великий работник, отдавший всепоглощающей страсти творчества. В нем есть черты подлинного воина: ни перед чем не оставляющаяся последовательность и готовность жертвовать собою ради ближнего и своего дела.

Михайло МАЛЮК

Я не хочу жить как все,
и, наверное, это безумно.
Я не хочу плыть по жизни-попсе,
хоть внешне это очень гламурно.
Я не хочу кричать “ура!”
на митингах, где призывают,
я не хочу быть как толпа,
которая все убивает,
я не хочу любви ее
за свои деньги,
я хочу любви
оттого,
что вдруг загорелось сердце.
А белым пухом
снег слетает
с крыш
и тает,
и вороны ждут меня,
кричат,
не понимая,
что у меня свои дела, —
им нужен хлеб с утра.
Роса холодит мои
теплые ноги
в проседи раннего
дня на природе,
и остаются пятна-следы
на траве,
где не ходишь ты.
А роса холодит
и бодрит мое тело.
дух взбодрится тоже
движением крови
и смело
я падаю вниз,
и качаюсь как зверь,
сбивая росу,
приминая траву.

Вот и верь:
о любви к природе
говорил я много,
а смятая трава
и сбитая роса
нарушили покой
с утра.
Скоро осень и зима,
и я выпью холод,
я сопью все морозы
и ветры.
Я уйду в поле, где
без листьев
стоят одиноко деревья.
Эх, мечты
пополам с желаньем!
Эх, любовь,
куда ты
ушла так рано?!
Эх, вино,
я бы пил тебя
заливаясь,
но давно
ты вызываешь во мне
лишь жалость...
Речка и мост...
А, может, мостик?
Лодка плывет,
а в ней лишь гости
на этой Земле
и в мире этом.
Знают они,
или нет,
об этом?
Спуская собаку по следу,
ночью,
менты ищут кого-то
очень.

А он отошел
и растворился,
привиденьем удалился.
Я смеюсь, заливаясь,
как в детстве,
кто-то кричит
мне об ушедшей невесте,
но свадьба гуляет дальше.
Я буду женихом,
уважьте!
Льется сок гранатовый
по постели,
брызжет свет
фонарей,
и мы от всего
уже отупели.
Ласки, любовь, поцелуи
забыты.
Время трет гранит,
а мы —
люди испиты
жаждой жизни
и жизнью жадной.
Мне не тошно
от грязи в парадном,
все уйдет
и останется память,
память нищего духом
под разбитыми
фонарями...

08.03.2013.

Город задыхается автомобилями
уже с утра,
мчат они невесть куда,
везя там дряблый зад,
или тугой, пока.
Все до поры.
Дымит асфальт,
и бьются бамперы и фонари,
летит разбитое стекло.
Все до поры.
И на асфальте кровь
лужей запеклась,
осталась до поры.
Автомобили город
разрывают на куски,
редкие прохожие
бегут как от тоски,
что вылилась паром
от бензина,
и глаза цвет свой потеряли,
и резина
витают в воздухе
частичками с свинцом.
Цивилизация бьется
в конвульсиях, ничком,
и пробивает путь себе
сквозь землю, небеса.
Куда стремится
и летит она?
А тут — удар!
По всем дорогам ямы —
летят колеса,
и летят в фанфары фары,
и бьются люди
в схватке —
кто кого?
А дряблый зад
в подушках мягких,

и хозяин его
лениво
смотрит каждый день в окно...
А зад тугой,
горячий, молодой.
Все до поры...

08.03.2013.

Сон беспокойный,
сон кошмарит,
мокрая майка,
ручейки пота со лба спадают.
Я бы проснулся,
но нет. Нету сил...
А сон снова тот же,
его как дают.
Газ не идет из России
по нам.
Россия включила потоки
и тут, и там:
Юг и Север,
и на Китай.
Наша “труба” без газа,
и никто не кричит “Дай!”.
Система стоит.
Но уйма рабочих и мастеров
чинят, клепают;
и деньги дают на нее —
будь здоров!
А утром — комиссия
из страшных безлиц,
в черных мантиях,
готовит сюрприз.
Дается команда, и по
“трубе”
(газотранспортный путь —
гордость стране)
вдруг потекли
людские мозги.
Люди сдают их
за сотку земли,
за водку и джинсы,
автомобиль,
новый компьютер,

трусы —
и в актив
косметика фирм
известных и громких.
Мозги потекли вместо газа,
их гоним.
А кто покупатель?
Ё то моё!
Со всего постсовпространства.
И Россия дает
зелёную улицу
из Азии вдруг.
И с Кавказа открыли
“трубы”, что чуть
не сржавели и не ушли
скопом в утиль,
а теперь там — мозги.
Но люди как люди,
не видно вовне:
есть у него мозг,
или давно уже нет.
Продан и скачан
куда-то туда,
где ждут его, значит,
так нужно тогда.
Но как без мозгов
человеку прожить?
А мне говорят,
мол, можно даже служить
в рангах высоких
и в звездах погон.
Мозг заменяют
на типа тасол,
чтоб охлаждал череп внутри,
а так — все работает.
А секс?
Что там! Молчи!

Ни с чем не сравнить
и силу, и кайф, и детки рождаются
с мозгами.
Ты глядь!
И нету войны с Россией за газ.
Такой тишины
не знали мы.
Гад, кто качает,
я думаю так,
но меня не читают,
не слушают.
Глянь в телевизор —
там все тип-топ.
Мозги вместо газа
текут
и растет
доход государств,
и жизнь поднялась,
украсилось все.
А тут вдруг, ночью,
мозговщики, что собирают мозги,
ко мне добрались.
Я вскочил на кровати,
а рядом она —
любимая девочка,
спит как лиса.
И нет той команды,
что с иглами в дом.
Я включил телевизор,
попил “панадол”,
добавил чуть водки,
затем коньяка.
Сбросил одеяло
с любимой.
Страна,
спи ты пока,
как и спала...

08.03.2013.

События печальные,
а мне всё так смешно.
Плагиат и графомания
в стране,
где всем все равно.
Жарится, печется
в печке суброман.
Культурное событие,
но субкультур обман.
Оно бы и прошло,
наверно, незамечено,
но писаки пиарятся,
где только берут денежки?
Союз страны писательский,
где гений каждый там,
спроси,
и не куражатся
великие.
Прости меня ты, небо,
прости, я так грешу —
чтобы вступить в их общество
нужно закрыть
дырку
калачу
бумагами зелёными,
чтоб всё было о'кей,
и можешь шлепать в гении
хоть в фраке,
хоть нагишом.
И драть, и драть,
что хочется,
хоть Маркса,
хоть козу
и издавать их в общем
пять штук по тиражу.
События печальные,
а мне всё так смешно:

взрослые сбарились,
как дети,
колесом
в игре какой-то резвой,
чтоб бегать и бузить,
писаки горя белого
больнички, где уже не пить...

09.03.2013.

От десяти до десяти
сократили нам часы
на одну шестую часть
в память той страны,
что упала в грязь
и тоже занимала
одну шестую суши часть.
Пала на осколки,
как бутылка,
что разбилась,
водки,
и течет по тротуару лужа,
растекается,
и в трещины,
и жужа в голове,
и на душе как кома.
Была бутылка водки,
можно было гульнуть
сегодня дома, —
осталась лужа и осколки.
Наши время сократили,
как изъяли.
В верххате терриконалы
в большинстве голосовали,
а время лишнее куда?
Пока молчат.
Да.
Часы пошли в продажу
от десяти до десяти.
Цифр одиннадцать, двенадцать
нет,
и никого не будоражит.
Люди молчат и ходят
на работу,
ложатся спать, встают,
и календарь повесили вчера
на две субботы.

Туда загнали
лишку времени.
Висит он на Крещатике,
и темя у меня болит
от перемен.
А пресса, радио и теле
врут и врут
в обмен на снисхождение
властей, что, мол, добились
правды во вселенной,
и наше время
это точновремя,
а мир отстал,
и рейтинг стран
по времени восстал:
там мы на первом месте.
А две субботы
в календаре?
Власти говорят:
да им не тесно...

12.03.2013.

Рядами, рядами
идут люди на работу
специальными ходами,
как на передовой,
но поглубже
и пошире ход,
а над головой
бетонный слой
и в три наката
с арматурой,
как на дотах тех, когда-то.
Хода в секретные
резиденции правителей,
как никогда
и люд отобран
типа “вырву зуб”,
не предам, не продам,
а как-нибудь
я доработаю и доживу
жизнь свою
избранного.
— Ну, быстрее! Быстрее! —
кричит глядящий,
а в потолке
мерцает свет,
и люди движутся
пока в одну лишь сторону,
туда.
А вечером — обратный ход.
Всё под землей.
О! Лоб
умный придумал, засекретил.
А сверху трекают
о модернизации проспектов
промышленной страны.
(Когда-то.
Сегодня-то — упадок).

Но верхний говорит:
— Так надо.
Всегда нужно упасть,
чтобы подняться.
Деньги собирали
тетя с дядей,
дом построить собирались,
сад
и грядки развести,
чтобы овощи росли.
Но тетя втихаря
влюбилась —
он молодой был, плут —
и охмурилась,
согнала “бабки” с юношей.
За год, чуть больше,
любовник убежал,
а в бабы — горе:
не за горами сорок пять,
не быть ягодкой опять,
деньги слились,
дома нет.
И нашла она вконец
выход с бед —
виноват, конечно, муж.
И взялась его терзать:
строй, мол, дом,
чтоб детям рай...
Страну нашу долбали,
делили, резали, копали
из недр и дальше как могли.
В офшоры денежки свезли
и тратили себе, любимым,
на все, что душеньки желали.
Милым и молодым девчонкам
дарили авто, домики,
роскошно протекали годы.

Страну спустили
в унитаз.
И горы, горы
мусора ихлама,
и море, море
тьмы-печали
остались люду серому.
Теперь, чтоб удержать
кормило
и трон подкрасить, укрепить,
чтоб не крутило,
модернизацию придумали
для всех.
А век то средний
от потех.
А ходы скрытые
долбают дальше
под границы государств,
что раньше
были родными и врагами.
Север и Запад —
путь наш под ними.
Сами пробьем дороги счастья.
А сверху страны проживают
и не знают о несчастье,
что снизу. Ходы, ходы...
Потом полезут вверх
как те кроты,
и ночью тырить будут
всё, что там попало.
Рядами движет люд,
а сверху плит бетонных
в три наката...

12.03.2013.

Мудрованин на диване
возлежит,
и дрова в камин
бросает
его верный служка.
Барин!
А камин горит, пылает.
Трескот жара.
Завывает за окном
угрюмый ветер.
Буря где-то.
Здесь — осколки.
Мудрованин нежно,
скользко
возливает речи
гостям,
что все в секте
ненарошком.
По коврам ползет змея,
по обоям
у стола,
и по головам.
— Друзья,
слышим, помним!
Наставляю:
я высокий в небе края,
посвященный
вас учить.
И яд брызжет.
— Не дыши! —
говорю себе я тихо,
прикрывая рот,
но крики
настоятеля голов
пробивают череп.

Вновь
плывёт вдруг эйфория
царства счастья,
и дух змия
опьяняет, наполняет
“смыслом жизни”,
заставляя
отдавать всё, что имели
настоятелю бордельни.
Дух наш продан
и променян.
— Идол новый, современный,
в несуразице времён,
где нет смысла, Бога, — вон! —
говорю себе,
а ноги млеют,
о ходьбе
не может речи даже быть.
Мы впиваем слов напиток.
Эвклид и Платон,
и Аристотель
были рядом с ним
как ноготь
мизинца.
Восставая над мирским
деньги лупит он,
как сын
непутёвый
у родных,
с членов церкви.
— Что притих? —
я себе вопрос опять.
А в это время шум развала —
сталь срывает ветер с крыш,
шифер,
грохот черепиц.
Крыши сносит буря ветром —
дома раскрыты.

— Поверьте! —
говорит лукавый.
А тут дождь,
вода фонтаном
на раскрытые дома,
нет не все,
а где бардак,
где ремонта нет,
ухода,
где гуляют комунхозы.
И я вижу вдруг змею —
красный рот
и зуб.
Горю
в страхе немощи,
теряя
всё, что приобрёл.
Я знаю,
жизнь плутает
и, сбивая ноги в кровь,
мы живыми умираем
под елейность докторов...

15.03.2013.

Кто-то когда-то учил
выдавливать из себя
по капле раба.
Не делай этого —
оставайся рабом Божиим
и возойдешь до Него, дитя.
Выдавливай из себя холоуя,
не пресмыкайся
как змея.
В холоуе нет любви —
есть жажда приблизиться
к власти, богатству,
откусить чуть пирог,
или крохи собрать.
Зависть, жадность —
движитель холоуинства,
а внутри пресмыкающееся
змееужество.
Порок, зашедший
через порог
человеческого достоинства.
Холуй служит,
но за пазухой нож,
и нет воинства.
Он редко может достать
оружие,
еще реже его использовать.
О, ужась!
Но алчность хозяев
всасывает как молоко младенец
жадность и жадность
с завистью —
вот и вся жизни ценность.
...Полею їде підвода.
Молодий косарь
н'є холодну воду,

*а вродлива молодиця
підняла спідницю —
її щось вкусило
за сідницю.*

*Із-за куща верболозу
підглядає сусіда,
здоровий лобур,
і думки одні:
оце так тіло!*

*Косарі ідуть один за одним,
трава лягає в рівні покоси,
п'янку пахне луг...*

*А в пузі хазяїна
сито-сито,
він ум'яв курку,
дістав кисета
вишитого бісером.*

*...А из России новые вести:
до газа еще
лет, может, сто;
до парламента и Госдумы
путь
равен трём экваторам,
но уже
втихаря дают друг другу дули.
Еще не родился
первый президент,
но уже убит
царь первый,
бомбой, в момент.
Историю много раз
потом перепишут:
история — не правда,
она не дышит.
Прошное — в каждой душе
живущей.
А в ушедшей?*

Не знаю,
что лучше...
Тайна бытия
и Бог — в вере.
Любовь моя и Его проверят.
*...Дзвони на церкві
мовчать знову,
хоч храмове свято,
але н'ють горілку вдома.*
Попа вывезли на Соловки —
староста церкви
и его семья — кулаки,
всех выслать и очистить,
голодом выморить!
Пусть станут каннибалами.
*...Але не всі
дітей їли.*
*Хто сьогодні нами править,
то коріння його звідти,
з канібалів —
вижили діди холуючи
владі.*
— Бога нема! —
казали вони,
і валили храми.
...В церкви, рядом
с митрополитом,
держат свечи
люды элиты.
Кланяются вяло,
им это не очень прилично,
чуть стыдно,
но пришли увеличить
свой шанс на выборах.
— Ха-ха-ха! —
кричит юродивый. —
Я їх знаю.

*Вони — пришельці,
хоч і з нашого краю.
Вони — чужі
на рідній землі!*
Комета летела и грозила,
шли дожди,
и какой-то верзила
грабил женщину
на улице города.
Все пробегали мимо,
и я тоже.
Туалетов мало,
и нужда — в подворотне.
А это и хорошо —
можно подсмотреть
и на шару
увидеть попу.
Ночной клуб зазывает
огнями яркими,
завтра праздник —
день доярки.
Но о нём все забыли —
колхозов нет,
а фермеры — редкость,
хоть кричали
об их изобилии
много лет.
Я пью водку,
заедая селедкой,
славлю Россию
за рыбку.
*Снігом з неба,
звідкісь здалека
хтось мені шепче:
“Ти — лелека,
і лети, лети!..
Кинь цю півлітру
під три чорти,*

*хай котиться вона
туди, де її налили”.
Ні!
Це не фальсифікат —
я відчую кайф...
А музика из окна,
где пляшут девки
на сцене ресторана,
рвёт меня так мелко,
что я теряюсь в этом месте,
місті,
городе, где холоуи
поют
на паперти хозяина
его личной
придворной церкви.
І я розправив крила,
полетів,
бо й справді, —
я лелека,
і цей спів,
і той, із ресторану,
лишився десь позаду.
Попереду довга ніч,
а там, ось-ось, весна,
і клич той журавлиний
від братів.
Я знову додому прилетів...*

17.03.2013.

Мне не нужен
от вас памятник.
Мне не нужны, как символ
борьбы и бесконечных ошибок,
вилы и грабли.
Мне нужен меч,
чтобы защищать вас
от тех,
кто не умеет жить просто,
и вас не грабить.
В памяти съехавших
с горки под верх,
вытолканных на ваши земли —
не смех и радость для всех,
а кощунство и питье крови утех.
Тихо-тихо готовят план
и, воплощая,
смеются.
Эх ты, народ-болван,
триста лет поддаешься
иудам.
Здесь похлеще
чем Ближний Восток,
там воинов много.
У нас на один урок
снова ошибок море.
И слова, слова болтовни,
быстрые, резвые речи,
а за ними
стоишь ты,
народ, умом искалеченный.
Христопродавцы и подоболудцы
над вами
в роскоши кабинетов,
а вы в духовной глуши
среди подонков портретов.

А время идёт, летит,
и всё остается прежним,
и мы привыкаем жить
во зле и лжи безбрежной.

18.03.2013.

Эх ты, серость для всех
на коленях страдающих
истин,
эх ты, жизнь по земле
из которой мы
для чего-то вышли.
Эх ты, небо в глуши
запутанных нами
стежек,
мы от тебя так далеки,
что свет твой
к нам не доходит.
Мы видим белый цвет,
а называем черным.
Мы видим черный цвет,
и считаем его вольным.
А дороги ведут в кювет,
один и большой
для многих,
и мы долбаемся как в сучок
в поисках крох съедобных.
Остатки остатков
былых времен...
Все закопали, врыли.
Мы ищем те символы
тех времён,
что на свет нас родили.
И цели были, и свет,
но цвета поменяли сами,
и теперь мы верим
в успех
упиваясь горе-стихами.
А поэты нам пишут
в шут,
строки разума выставляя,
мы читаем,
но это — чушь,
а мы этого не понимаем.

Волны цвета тоски
несут нас дальше и дальше.
Где-то конец,
море, пески,
но там нам
цвет опять поменяют.
Так зачем идти,
если будет всё то,
что мы уже
знаем?..

18.03.2013.

Снова цветёт миндаль,
и запах его с весною
гонит меня в даль,
где я мечтал
о встрече с тобою.
Фантазии, грёзы, мечты
и память —
всё смешалось
в моем сознании,
и ты там осталась.
И уже никогда не понять:
ты была, или мне
мечталось?
А я уйду всё дальше
в весну,
и запах миндаля
тревожит.
Букеты цветов
в память внесу
и раздарю
проходим.
А ты была?
А, может, будешь?
А, может, я
судьбой не нужен
тебе одной,
что где-то есть,
а, может,
жизнь свела,
и свет я
твой
не рассмотрел.
Ищу тебя,
поверь...

18.03.2013.

Я бросаю в реку
красные тюльпаны.
Я бросаю в реку
розы всех цветов.
Пусть несут их волны
в новый дом отцов,
пусть туманом белым
в ночь взойдут они
к небу, где,
быть может, родители мои.
...А мне не видеть
больше отчий дом.
А мне не видеть
больше белый сад кругом.
А мне не видеть
больше леса и луга,
что полжизни ждали
каждый день меня.
А мне лишь тоска
и цветы на руках,
я бросаю их в реку,
и волны спешат
отнести их всё дальше,
где быть может
тот дом,
куда вышли родители
вместе, вдвоём.
А мне не видеть
больше лета,
воды холодной
и рассвета,
и солнца яркого
в кровать,
и тишину любви, и мать.

А на сердце лишь тоска,
волны уносят
и меня
под облака.

Тоска
мне остается навсегда.

Я оторвался от тебя,
мой край,
и навсегда,
навсегда...

18.03.2013.

Я вас, блядь, построю
за ваши дома-свечи
в центре города родного,
изувеченного уродами навеки.
Я вас построю, блядь, рядами
на Колыме в снегу,
и с вами будут дети ваши.
Я вас построю,
всех несчастных,
и поведу на мира край
смотреть изнанку
страны-поломки,
где вы сменяли
ее жизнь,
ее красу
на деньги злые.
Я вас построю,
и вас настрою,
и поведу.
Готовьтесь.
Я часа жду...

18.03.2013.

Початок тільки
ери нової в житті екраннім:
“Пекельна кухня”,
“Пекельний готель
та мережа ресторанів”.
Акт-пекельно.
Актуально.
Час прийшов антихриста,
я знаю.
Чому б інакше
канал центральний телебачення
волав би?
І день, і ніч на передачі ці
іде реклама.
І все це — достеменно і надійно,
знаю.
Церкви мовчать
і влада
еле дышит.
Звонили мне вчера с России:
дыхание у власти
захватили
или антихрист по экрану,
или оппозиция,
серьезно напугали.
Но мне сказали:
в оппозиции
немного
чихнут, или крикнут,
а власть уже сушит штаны.
— Утюг! —
кричат. — Утюг!
И паром, паром,
и водою
туалетною
обильно льют,
дабы забить те запахи,
от которых дышать противно.

Потім зв'язок з Росією
урвався,
в слухавці щось тенькнуло.
Злякався я тоді немало,
і зрозумів —
нас слухають!
Мене, і тих з ким я
общаюсь.
— *А ти пошли их всех, —
мне вновь сказали в телефоне:*
— *Ты русский князь,*
а тут ворье,
и в нас, и в вас —
болото и гнилье.
Бери топор
и головы руби.
Ты русский князь,
так вере предков послужи!
— Та ні.
Не буду я.
Хай їх народ питає,
десь і як.
А я один — не в полі воїн.
— *Да брось ты это всё!*
Ты — сверхдостоин,
ты — выше самого меня.
— А ти хто? —
я спитав. —
Рідня?
— *Я Путин. Вова.*
Твой знакомый,
и ты меня избрал на трон.
Я благодарен, князь.
Потом ты невлюбил меня...
— Було за що.
Ти з країнами
поводився мов довбня.

Усіх лякав,
всіх утискав —
то війни,
то якийсь скандал.
Та ти й свободу
одібрав і в нас, і у вас.
— *Таков приказ.*
И я исполнил волю,
волю ордена —
вот-вот
и поле наше зацветёт.
Путь мой
прямой
как столб.
— Так, так,
як стовп.
Стовбичить мовби ідіот.
Та треба й він —
на нім драти,
вони несуть електроенергію
туди, де люди.
— *Подожди. Не радуйся, сынок.*
Я — спецслужба,
я не президент.
Тебя как лоха развели,
а ты поддался,
и сказал нам всё!
Ты не тужи.
Бумажку подпиши,
и нам служи.
А по сему — бывай!
— Товаришу телефон,
як вас там? Майор?
А, може, генерал?
Слушайте і далі
все, що я скажу й сказав:
я вас давно вже підписав,

давно у віршах
своїх все написав
і напишу,
що далі
вам скрутять педалі
і спустять вниз з гори.
Ви марно не крутіть їх,
швидкість буде завелика.

— Молчи.

Понял я.

Лишь тормози.

Прости, поэт, и с нами не спеши.

*Мы эта кухня адская,
отель.*

*Все это — наш план,
и новый виток по жизни стран,
типа фулетка, карусель, наган...*

19.03.2013.

И снится мне сегодня сон:
огромный старый дом,
и явочные квартиры в нём.
На простых автомобилях,
сами за рулем,
приезжают наши президенты —
все сплошь резиденты:
кто бабата,
кто Нью-Москвы,
кто Уолл-Стрита,
а кто диаспоры.
Кранты!
Ныряют в дом,
и по квартирам.
Их там встречают
так участливо,
и говорят, и говорят,
пьют чай,
шифровки получают
и приказ
для всех один:
служить разведке, ордену.
Фу-ты!
А что за информацию сдают?
Да воду льют.
Всё продано, протраховано, пропито,
всё вывезено в страны
суперэлиты,
а здесь лишь деньги просят
и дают.
Дают всем президентам,
чтоб
не каюк,
а то страна сорвется,
и как тогда шпионить,
где информация возьмётся?

А резиденты — тупаки.
Ума не слишком длинного.
Хвосты
у каждого из них —
то ли помощники,
то ли пасёт кто-то,
скорее, Уолл-Стрит.
А резиденты все, считай,
двойные-то агенты,
двойной стандарт:
на Западе — деньга,
на Севере, он самый, — газ.
И дался этот газ,
даже резиденты
за него готовы всё отдать.
Он ядовитый,
он опасный —
горит, взрывается,
но деньги в лапы
от него.
Ого!
А люди и не знают
о шпионах.
Тот в вышиванке,
тот в кепке, а лицо
кондомом —
компания не очень
телефотогенична,
но журналисты
лижут их,
и так всё неприлично.
Огромный дом,
и явочные квартиры в нём,
и девушка моей мечты
меня встречает:

— Ты! —

я говорю в восторге.

Захожу, подписываю договор
шпионский.

И на кого?

Зачем?

Зато любовь у меня

до утра

без перерыва с ней.

А если бы не стал

агентом,

каким бы я проснулся утром?

Явно, спецклиники

клиентом.

19.03.2013.

Если лодку ведёт Бог,
пусть бьют её в борт
большие корабли,
и если нужно
она пройдёт свой путь
вокруг Земли.
Если человек ведомый Богом
оставит за родным порогом
всё нажитое
и полураздетым выйдет в путь,
Господь позаботится
одеть, обусть
и накормить.
И человек под Богом
преграды преодолевает
как простую нить.
Пройдёт, дойдёт,
и наградит
его Господь.
Человек и Бог.
Всё просто.
Только полюби Его.
Но страсти и соблазны мира
толкают душу, тело
в логово кумира.
Кумир стал ближе
и надёжен,
так кажется людям,
и хороводят, и пляшут,
и поют,
и славу, славу
кумиру воздают.
Хлебают сладости
с его корыт,
и хрюкают на
дружку друг,
грызут, кто рядом,

чтоб оттолкнуть
и в брюхо всё себе воткнуть.
Такая дикость
и варварство,
и прихоть
ублажать себя, родных,
и женщин всех своих.
А Бог забыт.
И мало тех,
кто только с Ним,
кто тянется
перстом своим
к святыням,
и любим в ответ.
Господь не есть кумир утех.
Он Бог!
И в Нем любовь,
и с Ним любовь,
а это самое блаженное
для человека чувство.
Наш Бог за нас
стоит горой.

20.03.2013.

Березень місяць.
Вже весна.
Та сніг іде
майже щодня.
То морози,
то відлига,
на вулиці ковзня.
Йдемо з Михайлом
пити пиво.
Сьогодні творчий вечір
в Будинку вчителя
письменників, поетів.
Фуршети відмінено.
Зась!
І багато хто п'є до того.
Випили ми пива,
а горілку
взяли з собою.
— *Это же у вас бутылки!* —
охоронець прохрипів
в нас перегаром —
з ментів колишніх, —
недаром
нюх такий тонкий.
— *Отдайте водку
и идите.*
— *Да тут не стадион,
простите,
и мы пройдем,
а пить мы будем завтра.
Мы тоже знаем наш закон
и право!*
Зайшли до зали.
Там горіли люстри,
на сцені — стіл, квіти,

а в залі
майже пусто:
нарахував я чоловік зо двадцять.
Можливо, ще підійдуть,
місто багатомільйонне
і колись читацьке.
Аж тут аплодисменти.
На сцену вийшли
відомі письменники, поети.
Ведучий, друг наш добрий,
взяв мікрофон
і вечір відкрив хвацько.
А ми в кутку
випили іще потроху,
закусивши яблуками
зі свого льоху.
Вечір плив,
чи, може, наші очі,
але читали щось не
дуже гоже.
Мене розвезло трохи
від тепла, горілки,
і я лежав у кріслі,
вслухаючись в уривки
текстів,
які летіли зі сцени
вгору залу.
Михайло зірвався,
влетів на сцену,
відняв мікрофон
й заговорив
про проблеми
країни,
де нема літератури.
А тут на сцену
випорхнула дівчина:

— *Халтура! Халтура!*
Послушайте мои стихи,
я вам почитаю!
Все рвали ее
почти что на куски,
микрофон отбивая.
Михайло відбивав,
старався,
схопив стілець
і гнав усіх зі сцени
чим подалі.
Люди в залі поховались,
хтось десь заліг,
багато повтікали,
як колись
зі зборів комсомольських
чи профспілкових.
А дівчина читала
про помойник,
в который превратили город,
про души затуманенные ложью,
про чушь и безалаберность
жизнеги.
Михайло аплодував,
і гладив її спину.
Тут я прийшов до тям,
поліз на сцену,
попросв собі реклами.
Алла, так звали поетесу,
дала мікрофон
й пішла з Михайлом
за куліси.
Я читав, читав, читав.
Ніч спливла,
вже й перший сонця блиск.
Михайло виткнувся із-за куліс
з новою подругою.

Я придився —
красива дівка!
Михайло каже, що
вже ранок.
Пора додому.
— *Ви поэт!* —
сказала Алла. —
Вы так читали!
Так старались!
Миша,
не грусти, ты тоже:
от твоих стараний
пылает кожа.
А вечер на удачу!
Хорошо, что отменили
все фуршеты,
и вы напились,
а так всё было бы иначе,
как всегда —
серый вечер непонятной встречи...

21.03.2013.

— Радий бачити
вас, міністре-пане!
У нас в гостях
такий герой екрану!
З Москви
до Києва летіли довго,
а ми чекали з радістю,
їй Богу!
Беріте, їжте, пийте,
закушуйте:
ось сало, рибка...
Ваша країна така велика,
слава йшла про неї
цілим світом.
Література та мистецтво
перевершили рівень
найвищий.
Ось і зараз ви видаєте
енциклопедію
“Мужжа Прімадони Гумачьовой”...
— *Молчать!*
Дурак,
ты же министр культуры,
а слово
не можешь выучить,
так запиши!
А Русь позорить запрещу!
И запрещаю!
Не “мужжа”, а “мужья”.
— Та знаю, пане, знаю.
Це я нервую,
та ще й хильнув три чарки...
— *И не “Гумачьовой”,*
а “Губачёвой”,
мужлан-министр.
Ею гордится вся Россия,
и мир весь
аплодирует ей стоя,

*и пиво, туфли названы
её именем давно,
высочайшим указом
дано
награды, ордена и звания,
а ты — “мужжа”...*

— Пробачте, пане,
дурака.

Зустріч наша
це не танець гопака,
і я надіюсь взяти
у вас

для нас
якийсь проект
літературний,
кращий...

— *Молчать! Молчать!*

*Налей сначала,
отрежь ещё мне сала.
Вы пропадёте здесь
без нас.*

*Соединяться нужно!
И всей вашей страной
отсталой
в наш первый класс.*

— Та добре, пане, добре.

Зробим все,
як ви сказали.

— *Учите русский язык,
болваны, для начала!*

*Новая пойдёт
серия энциклопедий
“Мужья Бабы Нади”,
“Мужья Аллегры”-
их культура,
как и всё сегодня в нас,
высший в мире
класс!*

— А жони, жони

теж будуть?

— *Где ты хочешь жен?*

— Та в енциклопедіях же...

— *Будут и жёны —*

мы страна

расцветшей вновь культуры.

Не дрожи как на ветру,

а вновь налей!

23.03.2013.

Кричав головверх
вчора в телевізорі,
горланив.
Летіли іскри
від екрану,
хлюпала слина
під ногами,
із мокрими штаньми
сиділи люди
зляканослухняні,
а він волав,
мов, треба працювати,
а не писати
і за кордоном
країну обливати
брудом неправди.
О мамо, мамо,
ти правду казала не раз:
“Душа володаря — то тьма”
Нема в них мудрості,
нема,
та ще і брешуть
нам щодня.
Усі заводи, фабрики
покрали,
здали в металолом
усе залізо,
і кольорових металів
вже катма...
Наш перший президент
комуніст-марксист
читав колись, напевно,
“Загибель ескадри”
і кращий в світі
Чорноморський флот
комусь загнав,
коли Союз Радянський впав.
І всі такі були.

У нас тепер
в країні безробіття.
Клуні, хліви, корівники
спалили в грубах —
такий указ,
такий до щастя шлях.
А голововерх горланив:
— Працювать!
— *Работать!* —
На російську перейшов,
видать,
со зла, или с испугу.
А де ж нам работать-працювать?
Усе ж у вас.
І вам раби тихороті,
за копійки,
від темна до темна
віслючать,
а нам — городи та картопля,
Бог, дав землі
по клаптику.
Свобода!
Хутко плине
час земний,
і, врешті,
ми таки відходимо
від правителів
окупаційної чуми...

23.03.2013.

Березня стікали дні,
мов крапельки води
із решток снігу по землі,
а тут з Балкан
циклон
приніс нам знову зиму.
Летів той сніг
удень, вночі
по всій країні.
Буревій,
замети на дорогах.
І стало все.
Автомобілі, автобуси, тролейбуси —
колони на шосе,
і владу перелякану трясє,
а що як
опозиція
підє в глобальний наступ,
захопить ключові пости?
И “Здравствуй, Родина!” —
промовить хтось в ефір.
— Россия, здравствуй!
Мы пришли надолго
строить новый мир!
В столицю потяглись
бронетранспортери,
автомобілі важкі, військові.
І нерви напружені мов струни.
Влада не знає подальшого
маршруту.
Солдатів вигнали на
тротуари,
дали лопати —
двірник над ними старший.

І бронетранспортери
все туди-сюди,
та толку з них
як із води від цього снігу.
Солдати з повинню
боротись будуть —
відра, фляги, черпаки —
збирати будуть воду:
і в яри.
Але то буде згодом.
Мне позвонили из России:
— Воры ваши сверху
бюджет большой захватили,
можно было купить
для всей страны
и технику,
горючее,
и всё необходимое,
чтобы зимою
чистить снег,
какой бы не был он обильный.
Но бюджет то свой,
приватизированный, считай,
и деньги тратить
на очистку снега?
Я что, долбай?
Так думает вся власть,
и ждёт пока растает.
И солдат — для чистки
и для страха.
А бронетранспортери
солярки палять
піввідра
в секунду чи хвилину,
й ревуть, ревуть,
щоб затулить

дірчину
чи то в снігу,
чи то в машині владній.
— *Мыши есть на улицах у вас?* —
спитав мене російський депутат.
— Нема мишей.
Нема нічого.
Лиш сніг горами
і військова тривога...

24.03.2013.

Белые аисты
в белом снегу.
Белые аисты
на берегу
речки холодной
во льду.
Белые аисты
не доживут
до разливных лугов —
умрут.
Грехи человека
на белые крылья
возьмут.
В белом снегу,
ночью, в морозе,
под полной луной
уходят
в белую вечность
небес-облаков,
что белыми стали
как теплой весной.
Люди грешили
гордыней сердец,
их бог стал машиной
с бензином вконец,
с дымом-чадом
туда, в небеса,
где души
птиц
ядом убитых тогда.
Сегодня другое
в мире вновь зло —
война с природой,
а бог наш —
бабло.

Белые аисты
в белом снегу
в конце марта,
в морозах,
умирают, идут,
и сердце людское
не слышит мольбы
птиц прилетевших —
оно всё в тех же
машинах
пробивает снеги...

25.03.2013.

По Крещатику идут колонны.
Флаги, транспаранты.
А на фотографиях
лица мне так знакомы.
Смотрю — везде я.
И мне так стыдно, неудобно,
я же жив ещё...
Как можно?
Новый культ в стране —
меня возвысить до вождей.
И говорит мне рядом человек:
— Это демонстрация для мира,
наконец.
Идут Кабмин, Администрация
Президента,
Верховный Совет и клерки,
идёт Нацбанк,
идёт Генштаб,
идут профсоюзы всех сортов,
и так их много.
Мне всё это незнакомо,
неприятно,
и осадок, что я вор
и подонок,
раз идёт сам президент
и несёт мой портрет.
Человек, стоящий рядом,
объясняет, мол, так надо,
это всё
сближает нас —
народ и власть,
и, естественно, культуру,
поэзию да и всю литературу.
Это ход-пиар, конечно,
но с душой,
как бы всё вечно —
навсегда здесь вы —
стихи, да и власть, навеки.

— Ты! — прохрипел я истукану,
что из органов охраны —
видно рожу, слышны мысли:
— Вон пошёл!
У вас с “крышей”
нелады
давно у всех —
я не “культ”, не “личность”,
я — поэт!
А вы затрёте, замусолите
меня,
народ возненавидит,
мол, и я
с ними вместе, заодно.
Тут и снег пошел.
Ого!
Завертело, замело.
Падали флаги, транспаранты,
девок выносили
из колонны
в туфельках и блузках.
— Что ты? —
вновь спросил меня сатрап:
— Недоволен?
Снег...
Вас бы градом,
да не с неба,
а тем, сильным
артобстрелом.
Но имею я лишь
ручку.
Ею я пишу о всех тех штучках,
вами придуманных,
чтоб извести со свету нас...

26.03.2013.

*Безработица и кризис
портят людям нервы чисто.
А политика и измы
утомили всех, кто мыслит.*
Дохлий бізнес
ледь жевріє.
В гаражах
печуть торти,
роблять різні “води”,
лляють горілку
з техноспирту,
ліки для болячок гірких
на всі діагнози: “Візьми!
Від ангіни — до чуми!”
А хто працювати не звик
до поту,
а продати щось,
ну, воблу чи картину Пісако
замість метра Пікасо —
тому тяжко, дуже тяжко,
йому треба служба
в батька,
у державного глави
служба будь-яка,
аби лиш мав
посаду і зарплату.
Метикнули це відразу,
років з двадцять ще тому
різні прохні-прохіндеї
і пристроїлись при владі,
де покірність вище честі.
Та посад так мало хлібновільних,
але Джонсону все в фарт —
він пішов в солдати
на зенітку
в морі Київськім
на втіху всій родині,
що бідувала.

Здесь он стал
поладмирала,
со снарядами, стволами,
солдатней и госкормами
и зарплатой выше рыла.
Муштра
день и ночь смешала
для солдат и офицеров:
— Встать!
— Лежать!
— Ползти! — примером.
А сам в кителе зелёном,
золотом горят погоны,
пуговицы — антиквариат,
сапоги из кенгурят.
Сыновей устроил ловко
в танковый защитный “Сокол”,
а жену на склад с едой,
учётчицей
над мясом, рыбой, крупой.
И семья поднялась за год —
выше крыши
деньги,
флот из катеров,
около шести:
бизнес-туры по стране —
показать просторы моря,
показать украинский быт
и поле,
где несносный урожай
хлеба, овощей,
и чай
стали свой производить.
Джонсон жарил всех зенитчиков
как прежде,
еле успевали все за день
переделать.
Стрельбы учебные без конца.

— И не лень ему! —
вздыхали в ротах и взводах.
А утром зенитки — бах-бабах!
А на полі дядько в крик:
— Мать твою!
Снаряд летить,
і по помідорах, вже червоних...
Землю вкрила кров від соку.
— Що ти робиш?!
Люди всі ховались в ямки,
а зенітки все стріляли.
Джонсон ждал опять награды
за верность службе,
вот отрада
от избытка сил, эмоций!
— Разверни, козёл!
Бери левей!
— Есть, товарищ! —
проворчал худой служака,
развернул стволы,
и бахнул
очередь, снарядов сто,
все главноверху под окно
“мерседеса” в длинной цепи
эскорта для утехы
самолюбия болванов.
Машин двадцать продырявил
прапорщик
из села, что рядом.
Армия контракта.
Жарил сам министр
всю часть охраны,
да не часть,
а округ главный,
что по морю разбросали.
Жарил, жарил,
но оставил
всех служить,
но без стрельбы:

*все снаряды — на склады,
под замки
и под учёт.
Так продрасть главный эскорт!
Шесть убитых, три пропали,
десять раненых забрали,
ну а главный уцелел,
только писать стал везде,
где бы не сел.*

27.03.2013.

— Чин забрали!
— Чин забрали! —
вылетел министр сельхозпрома
с криком
из избы-рыдальни.
Избы эти нам открыли,
чтобы мы там слёзы лили —
кто от горя,
кто от счастья,
кто смывать с души
запаястья силы тёмной,
с которой связался
ради благ земных,
но дальше жить так
нету силы,
и решил порвать удила.
Это редко,
но бывает.
Избы наши-то, рыдальни,
пустыми не бывают.
А на улице — низзя!
Слёзы, плач —
сразу труба:
каторга, тюрьма.
Только радость и улыбки
улицей дарить
страшилке —
правлящей страной бодяге.
Скоро юбилей
нам грядет —
строю ровно как сто лет.
...Я отвлёкся от министра,
а он рвёт рубашку,
тело,
волосы клочками,
белый стал лицом
и потный,
стон хриплый еле слышный.

А министр
тут новый вышел,
в телевизоре светясь,
как монета золотая.
Ясь!
— *Не буду як той мій
попередник,
кінь кульгавий,
все сільське наше хозяйство
перевів
на циркулярки.
Різав ліс
і продавав,
на долари запав,
занеміг і погорів,
а поля стоять мов тінь.
Буду я все знову так,
як когда-то при совках:
фермы, общества, артели,
мехколонны, комундельни.
Вывезем в поле людей.
А ведучий Болідей,
зірка нашого екрану,
радісно зірвася:
— Раді!
Раді!
Міністр глянув щиро-косо,
губи закусив,
і носа
піднявши трохи вгору:
— Ты! Молчать!
Здесь я —
комора для страны!
Ты — журналист,
сиди и слушай!
Люди слухали, раділи,
ранком в поле вийшли,
ті, що залишилися живі,
стали щось робити там.*

*А міністр все по верхам:
то Кабмін, а то Верхрада,
то Канафи как отрада,
то любовь взыграла
снова*

*к девке
в министерстве
новой,
что пришла по-блату
в свору.*

*А поля в снігу...
Місяць світить,
зорі тануть
у безмежжі неба.*

*Гарно...
П'ю чай
із листям м'яти,
книжку знов пишу*

*про
Я — ТИ.*

*Тут складні такі
процеси:*

*Я і Ти,
королі та їх принцеси,
прогреси-регреси...*

Я і ТИ.

*Між нами —
гори і планети...*

27.03.2013.

Слёзы Марии Магдалины...
В осеннем дожде
и летнем ливне
я чувствую
солёный вкус,
и часто в тучах чёрных
я вижу её красивое лицо,
огромным пятном
ветер кружит волосы по небу,
вечная молитва —
дождём, на Землю.
Две тысячи
всего лишь лет,
и вечность, по которой
счислений нет.
Молитва от Марии
до Христа —
по всему миру,
и ко мне пришла.
И я, не прячусь от дождя,
от капель и потоков.
Мне нельзя.
Мне нужно пить слова
и в вечность к Богу
произносить свои.
Когда все тихо,
светит солнце,
прикрыв глаза,
я из окошка
смотрю как можно далеко.
Мой взгляд из сердца
как поток
частиц мельчайших,
атомов, протонов
уходит к звёздам.

А губы шепчут
все слова
моей молитвы.
От Христа к Христу иду,
теряя неуёмную тоску,
и вижу я её лицо,
вернее, лик.
О, Мария!
Я так привык
к святым твоим словам!
Когда же снова дождь,
а лучше ливень,
к нам,
на Землю, от тебя?
И я молюсь, молюсь...
И крест мой иногда
невыносимо тяжкий.
Но вспоминая слёзы
от Голгофы
по сей день, которые
в дождях остались,
и лик Христа,
и лик кающийся твой,
живу надеждой
на прощение грехов...

27.03.2013.

Встану.
Упаду.
И снова встану.
Жизнь на бегу.
любовь на ходу.
По снежному насту иду
в конце марта,
и город в морозе.
Вдали, на холмах,
иссохшие слёзы
людей на ногах.
И всё на бегу,
и всё на ходу,
в суете, как спицы в колесе,
исчезают из виду,
становясь одним целым,
блестящим,
или рыжим, ржавым.
А время огромных часов,
что на Солнце
вращает Вселенную,
точно, как и должно,
без стрелок и циферблата,
без механизма, ключей,
и не надо
за ними следить.
Они отобьют час
твой как штык
во время назначенное
высоко у Творца.
Но стук механизма
слышен отдельным,
приближенным к небу,
приближённых
болью страданий
и верой,

в бесконечной молитве
о хлебе,
который насущный
и от Отца,
где вере начала нет и конца,
а только любовь
захватившая всех
в это пространство
не для утех,
не для расслаблений
и удовольствий.
Пространство, где пот
работы тяжёлой,
где каплями кровь
по земле
и к любимым,
где ближний — чужой,
несчастный, но милый,
и близкий, родной
сердцем стучащим,
где чаши весов
без обвеса, неправды,
где ложь превращается
в дым отходящий,
и только любовью
расцветают цветы,
и идущий
срывает их...
Может, это и ты.
Не держите вы зла на него,
он ещё лишь прохожий,
но тянутся руки его
к красоте.
Любите его за это
вы все.

Простите бегущих
и на ходу,
простите вы всех,
кто на горбу
на чужом
ищет путь в рай.
Простите вы всех,
как Иисус всех прощал...

27.03.2013.

И как Моисей сорок лет
в пустыне водил евреев,
сегодня весь мир нужно водить
не жалея,
со всем скарбом и хламом
нажитого,
чаще путём нечестным, воровским.
Изгой духа чистого
мы сами.
Мы в рабство продались,
ушли за хламом и вещами,
да и деньгами.
Нам рабство доставляет радость,
свобода от рабства вещей
как гадость,
и нам в пустыню лет на сто.
Но кто ведом и кто ведет?
Когда за деньги в мире этом
место покупается везде,
и эхом отдает неправда в небо.
Церкви, храмы строят
министры и премьеры,
и мытари, содрав с купцов купюры,
клепают храм.
А святость будет там?
В министра мытарей
и так кайдан,
а тут ещё и храм.
Но мода гонит, гонит, гонит,
и страх врывается,
и не филонит,
а рвёт на части
“личность”.
Если б была это личность!

Вещи, деньги, земли —
как хочется богатства,
сладкости и братства
под пьяный дым нагана,
когда семья уже не баба
и не дети,
а президент страны
и верные ему калеки.
Духовный бум пустыни духа.
Храмы как автомобили
лучших марок,
ну и пруха
на богатство и семью...
Так где же взять Моисея?
Если Бог решит —
рассеет,
и кто-то поведёт.
А пока лишь русский мат
и команды:
— Руки за спину!
— Вперёд!
И камера для избранных
как эшафот.
Но в ней простой народ,
открывший, было, рот.

27.03.2013.

Пориви вітру
теплого із літа,
духмяного від трав присохлих,
шпурляють
хмарки куряви під ноги.
— *Посторонись, баран!* —
я чую окрик із-за спини.
Летить велика,
чорна мов гора,
машина,
і музика реве
сильніш мотора,
жене птахів з дерев,
і ми, як гуси,
геть з дороги.
— *Дурак идет,*
и бьёт не только ноги! —
нам прокричав
із-за керма керманич.
— *Садитесь, подвезу несчастных.*
Сегодня весел я и пьян,
сегодня день,
когда я стал очень богат,
и земли эти все мои,
дороги, деревья и кусты.
Садитесь!
Я стрелять, как депутат от Юли,
не буду вас.
Мне нужны ваши
головы,
и пули пригодятся,
про запас.
І подякував я чемно:
— Ми не поїдемо.
Ми насолоджуємося
дивом-літом.
он діти, наші діти
купаються у квітах.

Та й не раби ми вам.
Ми — вільні люди.
Поет мій друг,
і я поет.
— *Да ты подлец!* —
ревнув новий хазяїн.
Схопив кинжал,
й вагіту жінку вдарив.
...Швидка приїхала не скоро.

28.03.2013.

И как когда-то Соломону
ты дал мне, Боже,
жизнь длинную,
но не насытился я ею.
Я жаден к жизни,
к Твоей природе,
Твоему миру Вселенной.
Я люблю жизнь
в чистоте Твоего творения мира.
Он бесконечно прекрасен,
неповторим,
от него счастье и радость.
Я жил насыщенной жизнью.
Я впитывал в себя всё.
Я познал добро и зло.
И душа моя чаще тянулась
ко злу,
не потому что она порочная
и искала погибель,
а потому что во зле
много земных телесных
радостей и утех.
Я возлюбил больше земное
чем небесное.
Но время гнало времена года,
они складывались в годы
и прессовались в короткую и тонкую
матрицу
под названием жизнь.
Твоя любовь покоряет всё,
ей нет преград.
Она приходила ко мне не раз,
но я был слеп и глух.
Я упивался миром счастья
с привкусом зла в бокале,
я искал счастье в женщине.
Смешно, но это так.

Любовь Твоя пробивала
дорогу ко мне
через мои страсти.
Однажды я почувствовал
Её вспышку,
и понял кто я.
Мой Господь,
Ты сказал, что Бог пришел
спасать больных,
то есть, грешников,
так как больные имеют
необходимость во враче и врачевании,
Ты спас меня.
Я возлюбил жизнь ещё больше.
Я рвусь к Тебе через преграды
мирских усад.
Я не оставил женщину,
не разочаровался в её любви,
но понял Тебя.
Твоя любовь есть хлеб
вечный
и вода живая.
Твоя любовь есть слава
и счастье.
Твоя любовь не истощается
и не унижает.
Твоя любовь не оскорбляет
и не изменяет.
Добро вечно.
Зло ждет погибель
и ад.
Мир утех сладок,
и я рад
хоть тому, что понял.
Я изменю смысл своей жизни,
чтобы стать примером другим.

Я буду малословным,
но в моем сердце
будет вечная музыка молитвы
к Тебе.
Спаси и сохрани.

28.03.2013.

— Вышинский-то здесь!
Вышинский-то здесь! —
крик по Москве.
И Сталин полез вверх высоко
по Кремлёвской стене,
и Берия с гаком
ворвался нахрапом
в самый “Газпром”.
Менты, прокуратура, гебисты
в офшоры пошли напрямую
в форме,
и сбрую
для лошадей
несут на плечах
уже второй день.
Паника! Паника!
Власть разбежалась.
Люди с портретами Ленина-Сталина,
с солью и тортами
под Мавзолеем
просят спуститься к ним,
или к Ленину,
Сталина грозного.
Но он молчит.
*А в Україні уряд сидить
теж другий день
німий, мов пень.
Хтось щось там ляпне,
і то невпопад.
Ті просять армію підняти,
і на кордоні
щільно поставити,
як штахети в тину,
але щоб не побачили,
бо скажуть, що це провокація
і руська військова машина
покаже нам “зайця”.*

*Від Сталіна-Леніна
страху найшло,
а тут, кажуть, Берія
з “Газпрому”
в “трубу” нашу ввійшов,
і все щось рахує, пише
і черкає.
Уряд готується в еміграцію,
як і колись,
але на Канафи,
тільки б взяли.
А в офшорах прокуфорять,
гебетують, ментують,
зроші,
що колись були народні
всього пострадянського простору
пакують,
списки пишуть —
скільки хто
їх напхав туди.*

Он що!

*А Россия дышит тихо.
Особенная часть её,
капиталисты и владыки
всех земель и кабинетов,
дышут тихо,
но портреты
Сталина и Ленина — в цене.
Их на шее уже носят.
Бюсты Берии из бронзы —
в оконцах теремов,
вилл и чудо домов
с подсветкой,
со свечой.
Ждут чего-то, видно, вновь.
А в Україні тиша, тиша.
Уряд виїхав,
і “криши” різних банд*

*і злодіяк
теж за урядом, в літак.
Приземлились аж в Панамі,
бо Канафи “отказали” —
нема місць для цього люду,
бо в готелях їх подруги, діти,
свати та куми —
всі Канафи до весни
зайняті, забиті.
І якісь хвацькі хлопчиська
з партії свободи краю
відправляють Берію в Панаму.
Берія орал,
ругался,
но дали в лоб,
и он остался
в лайнере в один кінець —
самолёт оставил
сбежавший министр-подлец.
І в Панамі крик та гам —
Берія в аеропорту!
Наша влада-емігрант
злякана тікає далі —
десь під Мексикою острів.
Як дістатися туди?
Виручили Сомалі —
човен піратський продали.
А в Росії Сталин
в телевизоре с утра.
Курит “Мальборо”,
пиджак от “Прадо”,
туфли страусиные.
— Так надо, —
вождь сказал. —
А мои мундиры
будет власть старая носить,
чтоб аскетами все были
по всему когдатошнему СССР,*

три штуки дам прибалтам,
чтоб не радовались
раньше времени.
Вновь империя.
Царя
изберу вам, и уйду.
Ну, ещё воров, бандитов соберу
всех по миру, как те нитки
на рубашку.
Но чтоб тихо!
Я с покоя,
там нет шума.
И мне тихо нужно думать...

29.03.2013.

Если бы я был
большим, красивым
и сильным офшором,
я бы денег принял себе
лишь немного —
на скудную трапезу,
шорты, сандалии,
и на охрану.
Я принял бы всех,
кто деньги сюда загоняет,
вместе с их семьями,
пусть бы рысачили
здесь на плантациях
чайных, табачных,
за проволокой колючей
и под охраной.
Пусть всё по времени,
всё по часам.
Я был бы офшором
чистым и сильным.
Я запретил бы им
самоубийства —
все шарфы, ремни,
шнурки из ботинок
собрал бы и сжёг,
и кострище засыпал бы пылью.
А им — работа, работа, работа,
и церковь, настоящая,
с молитвами, службами
до кровавого пота.

29.03.2013.

Я вечный поэт
вечной Вселенной.
Мне Бог дал талант,
и назвал меня гением.
Но я скромный трудяга
без славы, без злости,
без орденов,
и должность моя —
как путь на Голгофу:
извечные боли
страданий по кругу,
и труд без конца.
То стихи,
то трубы —
их вечный ремонт,
и тряпки, швабры.
Я не филонил по жизни,
однако
пускался в загулы,
то бишь — любовь.
Женщины были
друзьями.
И вновь я обращаюсь
к стихам
всё больше и чаще,
мне всё болит
за людей —
их несчастья,
их горе,
обман,
унижения духа.
— Сколько терпеть? —
мне шепчут на ухо,
те, кто, здесь, рядом,
боятся сказать.

Так замордована
людская часть
частью нелюдской,
где много всего:
и есть там поэты, писатели,
но им все равно,
лет двадцать как сдались
под доллар купюр,
и поменяли взгляды,
но только чуть-чуть.
Богатство, машины,
и зад в шерсть чужую,
а шерсть не баранья,
а чертова шкура...

29.03.2013.

Я ловлю рыбу,
сети бросаю.
Ночь.
Утомлённый, и без улова,
Святого Петра
вспоминаю я снова.
Сколько раз я читал его Слово
в посланиях апостолов,
уже б и оскомины
должна появиться.
Но Слова святые,
и ими напиться
я не могу.
От края до края
сети мои снова пусты.
И я молюсь апостолам
громко,
чтобы услышали
сквозь ветер,
и мне неловко:
как только беда,
невезение в жизни —
я сразу к Богу,
святым Его.
Слышу слова свои
о прощении,
и мне так стыдно.
А где обращение
в счастье, веселье,
в часы грешных всплесков?
Там я помню себя
человеком.
Так я считаю
в эти мгновенья.
А человек ли?
Кто скажет?

И мнения мои,
и друзей очень близких
стоят чего-нибудь?
Прозревая,
я понимаю:
всё так не близко.
Качая качели
от счастья к несчастью
на своих двух ногах,
хорошо ещё,
мог быть и лежащий...
И сносит, и сносит
лодку по морю,
я сети бросаю,
день третий
со мною.
Но нету улова,
лишь ветер крепчает,
солёные волны
мне очень мешают.
И я молюсь
Святому Петру,
когда сети его
наполнил Христос
в миг один
рыбой,
и рвались
от тяжести сети...
Их они бросили,
и пошли, чтобы
жить,
за Богом-Христом,
оставив всё:
и море,
и лодки, и сети, и рыбу,
чтоб вскоре
жизнь свою в святости
окончить крестом.

А я сети бросаю,
и день уж шестой...
А там воскресенье,
и я отдохну.
Божие — Богу.
Так жизнь я закончить хочу...

30.03.2013.

Город из мрамора,
древний, старинный.
Крыши из черепицы
красной.
И слышно в нем пение
церковных хоров.
Я, затаив дыхание,
помню
эти слова
и музыку эту
еще с Земли,
ребёнком, в церкви.
И, вдруг, запах ладана
наполняет пространство.
Душа моя в счастье
вечности блага.
Деревья зелёные
увиты цветами,
травы, как шелковые,
над ними летают
птицы всех красок,
и тоже поют
с хором церковным.
Вдруг,
я понимаю —
это не сон.
Это подарок:
увидеть его —
город далёкий
и древний, седой,
в красоте мрамора
и высокой стеной,
за которой не видно
мне ничего.
Но светит там свет
от звезды
изумрудами.

Кто там живёт?
Но мне не открылось.
Город великий
и город красивый.
Скоро домой.
Я все расскажу:
мир обитаем,
хоть мы видим Луну
с ландшафтом пустынным,
но это для нас.
Душа видит дивно,
по-другому.
Сейчас всё вернулось
на круги своя.
Земля моя милая,
родная как мать,
но город из мрамора
я полюбил навеки...

30.03.2013.

Я найду тебя
красоты воспетой,
то ли зимой,
а, может, летом.
Ты придешь ко мне
то ли в снег.
а, может, в дождь.
Я помню мокрую
ту прядь волос,
прилипшую к щеке,
и дождь, и дождь,
и капли на лице.
И утром на рассвете
по туману вдоль реки
как русалка
среди лета...
В росе твои следы
теряет память.
Помнишь танец?
Ноги босые сбивают
серебро росы,
она тает
стекая
ручейками воды.
Ты знаешь,
я бы пил ту воду
вечность,
но речка
вся окутана туманом
не давала мне.
Всё в памяти.
Не забыл я
и минуты,
что прошла
с тобою вместе.

Но силы таяли любви,
мы застряли на мели
чувств угасших.
Я остался,
а ты ушла в туман,
и по сей день...
Я спокоен,
и мне лень
ворошить
безмерно память.
Ты придешь и так,
я знаю.
Глаз зелёных свет
звёздами сияет,
это ты там всё мечтаешь
обо мне,
не забываешь.
А любовь горит.
Она жива осталась...

30.03.2013.

Снова мысли бомбардируют
мой мозг.
Я бы вывел их вон,
но трудно научиться
управлять своим умом.
Понтий Пилат руки умыл,
вытер их полотенцем,
и Бога пустил
на круг мучений
и смерть.
Христос принес Новый Завет,
где спасение — через любовь,
веру и добрые дела,
но народная толпа и ее молва
всё спускают
в языческий крен,
своё толкование
и свой акцент:
грешить и каяться.
Убивать, обирать, отбирать,
воровать.
Вам это знакомо?
— Да это же наша власть!
Окормляется церковью,
и счастливы все.
Храмы строятся,
статистика на высоте.
Мысли бомбардируют
не только мой мозг.
Бог дал себя распять за народ.
Он знал цель жертвы.
Люди помнят об этом?
Бог ошибся?
Нет!
Никогда!
Он знал, что делал, как и всегда.

Но на какие преференции
поддается жадная ко всему толпа?
Мысли, мысли,
им нет конца.
Как нам жить по правде,
по Божьему слову,
чтобы не увидеть печального
конца?
Много званных,
и мало избранных.
Где я, где мои друзья?
Куда отнести нам себя?
Да, будет суд,
но там уже поздно.
Суд — последняя инстанция
и после него...
Мысли, мысли.
Понтий Пилат умыл руки.
Что из этого вышло?
Но он исполнил высшую волю.
А мы толчемся
в каком-то своем
криминально-правовом
правительственном поле.
У нас нет достойных
мыть руки,
руки, которые воровали,
убивали, забирали, обирали...
Нам и вдова, и сирота — всё равно...

30.03.2013.

Что же было там вначале?
И не отдыхая,
в который раз,
книгу я опять читаю.
Ноль
и стая, которая летала,
всё летала
над теми, что идти устали
и упали,
или путь свой вновь продали
за обманные гроши
тем, кто ехал,
не спешил,
знал заранее идущих,
знал их судьбы,
предыдущих поколений
с неудачами,
и мнений,
не имевшие своих.
Всё под кнут,
и всё под крик.
Что же было там вначале?
День и ночь
молюсь, читая.
Рваный ноль
и та же стая.
Стая умерла, летая.
Ноль порвался сам
от страха,
который заполнял его
как гада
заполняет яд и злость.
Змеи добрые?
Ну вот,
начинать нам всё
сначала.

Где взять ноль,
и где взять стаю
птиц изысканных
из рая?
Не летят они сюда,
в сумрак мира.
Что тогда?
И я книгу вновь читаю.
Губы сохнут без воды.
Молитвы шепот,
и крови капли
с растресканных губ моих.
Не вижу смысла дальше.
Всё стеной стало.
Страшно.
Как пробить ее бездушность?
Чёрный камень,
воздух душный.
Но сдаваться не по мне.
И я книгу вновь читаю,
губы шепчут все молитвы,
что я знаю.
Я не ем, не пью,
мысли все
о стене той чёрной.
Стая вылетит опять.
Рай открыт
для нас.
Но ждать,
просто ждать,
или упасть,
или путь свой
вновь продать?
Нет!
Бороться всем опять...

31.03.2013.

Я возвращаюсь,
чтобы пропасть,
в огонь любви,
который, вначале, рай,
но превратится в ад.
И пламени там хватит
для меня,
костер будет гореть
во мне
и выгорит до тла.
Рай превратится в ад.
И скоро время это
уплывёт назад,
где было грустно
и неуютно одному.
Хотелось счастья,
соучастия двух жизней.
Почему устроены так
души наши?
Когда всё хорошо,
подкрадывается зло
и гасит
тот чистый пламень
от Божественной искры
и вносит жар
из ада.
— Ты прости...
— И ты прости...
Но слова такие вам
никто не скажет,
и не проси.
Отрывки фраз,
где низменных слов
гадость,
в которой адский пламень
сменяет чистый,
светлый свет,
и ад,

в котором пропадают
все подряд.
Кто с чистым сердцем
принял
тело за любовь,
ошибся он.
Нет?
Не ошибся он.
Лучше гореть
там самому,
чем наблюдать
со стороны
и видеть
как умирает
вновь любовь.

31.03.2013.

Когда-то в кабинете
главного райкома, или ревкома,
шаги людей были слышны
по лестницам и коридорам.
Чем четче отбивался шаг,
чем громче топот,
свет гас,
а те шаги печатались в паркет
как штампы верности
партии —
билет, который пропускал
везде.
Главный хвалил, лелеял
тех, кто топал ножками.
— Вот кадры!
Держат власть, —
так скажет он,
и сам от счастья захохочет.
И главное — не результат
работы, ни новая идея,
(идея есть: от Ленина — и к цели),
а аппарат, который
лупит ноги
и натирает в креслах попы.
И додержались, доходились —
советская империя
свалилась
от малости ума держащих.
Не аппарат был.
Каста.
Самовлюблённая и с красной
книжкой:
— Нате! —
и всем её показывали люди
из аппарата партии,
что грудой лежит сейчас
на свалках континентов
Европы, Азии.

Нет, не будет им уже
моментов
подняться и взять её
такую тёплую
как барышня с шелковым бельём.
Ушло все к бесам кувырком.
Но школа та осталась
почти что навсегда,
на крайний случай,
очень долго —
то ли уборка хлеба,
то ли снегоборьба.

Да!

Всё те же ходуны,
ведь волка ноги кормят.
И ходят, ходят, ходят
по коридорам, кабинетам
любых структур
стран раздолбанных всем этим,
и вечерам творческих союзов
и их фуршетам.
Все ходят, пробиваясь вверх
через завал
из старых тел,
стоппав советских,
не у дел,
и снова служат всем властям.
И слово их —
хвальба —
подтягивает вверх,
бросает вниз.
А люди молодые поддались,
и в эти поддавки
стирают жизнь,
врываясь в классиков толпу,
которых нужно
вынести к утру,
очистить дом,
и всё сначала...

Но стиль партийный СССР
пролазит везде
и крутит, крутит нами,
и без идеи, и без цели.
Лишь треск языков болванный...

31.03.2013.

Звучит очень гордо:
писатель — совесть народа.
Но не всегда.
И не все.
Устоять очень трудно,
особенно, если ты пишешь
на грубку.
Книги в растопку...
Графо и мания.
Точней: графомания
собственных целей,
и гордость метелит
душонку внутри,
и каждый — выше других.
Ты посмотри,
а где она
л-и-т-е-р-а-т-у-р-а?
А нет.
И не может быть
у прохожих по жизни людей,
кто не страдал, не горел,
а свистел
о чем-то высоком
и важном.
Смешно.
Украли дома творчества и земли,
украли имущество
Союза
как и хотели,
и тысячи пишущих “правду”
в газету
язык проглотили.
Поэты!
Как вам не стыдно!
Вы же не быдло,
вы есть поэты.

Отмечены Богом
ваши таланты и имена,
а вы страхом и жаждой
жизни бумажной
душу сменяли на медальки.
Пока, всем пока.
А собственность крадена и перепродана...
Пусть уж политики,
что держимордами
названы людом,
и вы же туда...
“Совесьть народа”
в кавычках, пока
и, наверное, долго,
как же вы?
В кодро
воровать и химичить?
Мне за вас стыдно,
и ваша личность,
те же политики и самодуры
правлящей кодры,
и вы там как дуры,
на свадьбе соседей
мечтаете тяпнуть
жениха у невесты
в фантазиях пьяных умов
от рождения.
Смешалось всё в вашем союзе:
стыдоба, невежество и преступление.

31.03.2013.

Всасываясь сквозняком
и впихивая своё естество
в каждую щель, дырку и ямку,
я сжимаюсь от острого взгляда
и грозного крика старшего.
Измотавшись в общественных
целях общего “Надо!”,
я кивал головою:
“Согласен”,
а что там внутри со мной,
я глубоко очень прятал.
Незнание Слова Божия
мыслями уводило:
изучал теорию нового мира,
и это никогда не смешило.
Смеяться можно
было лишь дозой,
которую нам давали,
всё остальное —
в общую цель
верхушки,
что отбивала
время
внутри тела.
Естество жило, не старело,
рожало детей,
и кричало ещё внутри себя
от оргазмов.
Было стыдно за это,
но не ругали.
Разве жена иногда
тихо стонала,
а потом утром
кобелем обзывала.

Общие цели общества
гнали,
и новое снова время
как штаны навыворот
подогнали.
И нельзя отказаться, уйти,
только в щели, дырки и ямки,
как муха, или моль.
Многие так и хотели,
но нас на суд тащили,
но уже не судили,
а осуждали
за страх естества
в новом порядке
как одежда навыворот,
и не убеждали,
Слово Божие дали,
но в суеде сплошных краж
и обманов мы Его потеряли.
Естество постарело,
сгорбилось,
и нет тормозов.
Страх стал как дыхание,
натуральным,
и почти не пугает.
Глаза выдают очень многих:
тех, кто болван,
и тех, кто злодей
и других болванит.

01.04.2013.

Евро-2012 отыграли
как свадьбу в селе рядом,
и невеста любовников
имела
числом под Евро.
Может, на десяток меньше.
Но не в этом дело.
Жених, заезжий агроном,
влюбился в первый день,
и когда наши забили гол,
он сделал предложение.
И зажили.
Вокруг цвела любовь,
а стадион страдал,
пустой стоял,
и ветер выл, стонал
между трибунами,
дежурный кот крыс гонял —
“Олимпийский” прозябал...
Решил кто-то из власти
ставить на стадионе
памятники
Аллею тех, кто был
в первых рядах
и в должностях державных,
и в капитализме сверхправых.
Создали комитет,
который заседал неделю,
и принял решение по делу.
Семен Юфа.
Он в первых был рядах,
от печки повара,
от пирожков
рывком сделал шаг
в миллионеры.
И всё на этом стадионе.

Стервы разные собрались
с ним в команду:
бандиты, рэкетеры —
атаманы новой жизни.
А Юфа создал и банк.
“Житло наших дітей” —
программа.
Деньги несли все старики,
что старость обеспечить
захотели.
Семен деньги крутил
и прятал где-то.
Потом сбежал
как все, всегда,
оставив сейф пустой,
куда-то на Восток,
там доживать года.
Приехали делегации,
памятник открыть
ему и президенту первому.
— *Гаплик!*
Я так не можу, тату.
Я кину все:
і вашу хату,
і дочку ясновельможну —
для неї втіха
понад усе:
давай їй Київ.
А я на полі,
мов чурбан.
Село сміється.
Бур’ян росте,
бо нікому полоть.
— *Ага!*
Ти спортив дівку,
навтішавсь,
а тепер, діду,
бери назад?

*Не буде, зятю, так.
Поїхали краще на
Олімпійський стадіон,
людей побачимо, гульньом.
А стадіон кишить людьми,
грають оркестри,
дітвора із квітами і без.*
Делегации стоят
со стран-участниц всех,
кто помогал создать
нам независимость в стране,
кто деньги первые, зелёные,
подавал извне
уже чуть-чуть украденной
стране.
Вышел комитет,
стал на трибуне,
и пали ткани шелковые.
Люди
орали от восторга.
Стояли два дива архитектуры —
Семен Юфа
и первый президент,
в спортивных костюмах, кроссовках
с пистолетами в руках.
— Момент! —
кричал тележка-президент,
но люд от счастья
сходил с ума.
И от восторга
делегации
дали ещё
хороший транш —
кредитик безпроцентный
ого-го!
— *А ти, синку, хотів
покинуть жінку.*

*Дивись: стадіон стояв
пустий
і непотрібний,
а зараз в славі.
Отак і ти діждешся
щастя собі,
мені і бабі.*

03.04.2013.

Я считаю метры, километры,
складываю дни, часы, недели,
добавляю месяцы, года
и цели, цели.

Откуда цели?

Из мечты или желаний.

Целей много,
как и зданий
в городе этом большом.

Город жив,
живой и дивный.

То — расцвет, подъём и мощь,
то — лежит,

и лужи, дождь
добавляет не красу,
а уныние-тоску.

Спешу,
может быть смогу помочь.

Ведь жива любовь к нему.

Непрочь
поделиться я любовью.

Бог — любовь.

И вера с кровью камнем
краеугольным.

В ней — любовь.

Закон и Слово.

Чисто, просто и знакомо.

Но шарахнул мир красой
красок ярких мишурой,
и попался, и пропал здесь.

Мир и Бог.

Я повторяюсь:

отделяю, отделял.

Но мир тянет как в трамвае
метры, метры, километры,
цели, цели.

Вы хотели?
Я хотел, и я влетел.
Чем больше знаний я хотел,
тем меньше знал
я добрых дел.
И в лабиринтах, где потерь
в войне миров
и дел добрых, Божьих —
не у дел
не только я.
Не удел моя страна.
Павши миром в тени силы,
что сильнее искры жизни,
мы отдали искру эту
за любовь земную.
Эй ты, женщина,
постой!
Я люблю тебя росой,
я люблю тебя туманом,
утром, ночью, без обмана!
А когда она размякла
от речей елейно-сладких,
я ушел, внимая мыслям
о силах своих
как вышних.
Бросал их не раз в путях
нечистых
то ли так, а то ли этак —
я герой по части девок.
Божье Слово и Заветы
скороговоркой, как приметы,
как далекое когда-то,
я оставил деду, брату.
Я успею. Всё успею.
Мир хотений на неделю,
там на месяц.
Смотришь — год.

Новый. С елкой,
и народ
вновь весёлый и пьянеет
счастьем, радостью.
Похмелье,
не всегда числом одним,
будет позже,
подожди.
Почти каждый,
кто хотел,
кто учил и не у дел
оказался после Слова,
бросил всё
и хороводил.
Лучше бы не знал,
не трогал.
Бог жесток?
Да нет, Он дорог
прежде нам,
и мне — теперь.
Вечер по весне.
Метель.
Мокрый снег и дождь
в окно.
Плачет мир, —
не тот, что мой,
а мир Божий, —
за всех нас.
Час расплаты?
Нет, не так.
Час тот будет по-другому —
что-то вырвет душу
с тела
и положит пред глаза.

Ты посмотришь день, ну два,
а потом расскажешь всем:
лучше мир, но Божий.
Тень уйдёт,
уйдут часы.
Стыд. Стыдоба.
Смотришь,
нет уже души...

03.03.2013.

Тарас Шевченко.
“Заповіт” народу.
У “Заповіті” слів
не так багато.
Народ виконував
накази Кобзаря.
До хати,
в степ широкий,
де лани широкополі, кручі
труну доставили,
наплакались,
похоронили,
і заспокоїлись.
Могила
заростала травами густими.
На ній Ликерка
грошей трохи заробила.
Життя залишила теж рано,
лягла в труну,
бідаха.
Роки тремтіли за роками,
аж ось і Ленін.
Заволали
знову про Тараса,
і слова його згадали
з часом:
“кайдани порвіте
і вражою, злою кров’ю
волю окропіте!”
Гвалт!
В шеренгу по четыре!
Армия Красная,
комдивы,
легендарные, в легендах.
Брат на брата.
И пошли рубить, стрелять,
и легли их миллионы.

Мати плакала в степу,
ждала сина,
а дісталась їй могила,
братська,
де немає сина.
А де син?
Полинув в небо,
красень-легінь.
Кров ворожа не слодка,
а гірка як тая
*водка заливала горе,
пили все, и пили много.
Русь без водки, то не Русь.
Водка — человек-байстрюк,
нет у него родных, страны,
водка — дело сатаны,
новый ідол при советах.
Жив Тарас Шевченко
і тут,
жил и там, где азиаты,
на Кавказе жил,
и солдаты, всё чеканя шаг,
внимали
политработникам,
а те знали, что мусолить.
Замусолить можно всё.*
Писав Тарас
про сім'ю вольну, нову —
і її побудували
Сталін
і з ним “велика партія
більшовиків”,
і казематів по країні
було як царських теремів.
Сибір неісходима.
Мороз та іній.
Інакомислячий летів
туди назавжди —
могили там, могили...

І “Заповіт” перекроїли,
і став Тарас
кумиром для країни,
де ціль була
весь світ поцілить,
і в ціль вдягнути
всіх і вся —
всі континенти з зіркою Кремля!
А поки ставили пам’ятники,
носили квіти,
дорогі вінки,
і діти вчили в школі “Заповіт”,
зламався знову світ.
И всё на круги своя.
Капитализм — вот это да!
І всі шевченківці
хутенько
змінили червоні прапори
на жовтосині,
і, владу підібравши,
упевнено передали
державу
у схрон бандитів,
чтобы потом жить всем
лучше, по-другому.
Шевченко — идол
новой воли,
с ментами, битами, ножами,
а шевченковцы —
с деньгами,
что-то вякают с трибун
о гении Тараса,
кум кума хвалит,
носят вишиванки.
І мова солов’їна — перша.
А руську — за кордон!

Але і руська тута знов
куди не ткнись,
ба й на вінках
Шевченку
в бронзі і граніті.
Сумний Тарас.
Пролита кров.
І кістяки, де не копни.
І сором, сором!
А поети, що носять
ще й медаль Шевченка,
квитки червоні поховали
в сейфи —
потомкам память.
Помни
о истории всяк час.
Она у нас как шлюха.
Но, нищак! Всё так нищак!
Но не для всех,
и не всяк час.
А ты, братан, Тарас,
ты наш теперь!
Возьми вот — доллары, наган...
03.04.2013.

Любовь и страх
в сердце одном
несовместимы.
Когда есть страх,
наши пути к Богу
проходят мимо
того пути, что
есть один.
Страх есть к Богу,
а здесь — не тот.
Здесь страх, которому
отдались.
Сломались
вера,
смелость,
дух.
Остались мысли:
ну, а вдруг,
я так несчастен,
и страх мой
есть страдания,
и, продлевая дни,
нам Бог
дает возможность
встретить тот
Его лишь час
и Путь к Нему,
чтоб не погас
светильник сердца.
Он горит молитвами
и верой.
Миг, которому поддались,
и страх нечистый.

Не разобрались,
и тяжёлый грех,
а, может, умысел
снесет
всё время,
все забудут,
и страх пройдёт,
и вера будет,
и отмолюсь я за грехи.
Молитва — да.
Ты в ней проси,
но страх ведь твой
и нет любви,
они не могут вместе,
как корабли
в морях —
отдельно,
и каждый свой
имеет путь,
а вместе — разобьются,
не дойдут.
Страх, как змея
в ночи, в постели,
сквозь сон рукой
ты гладишь тело
её,
не понимая ужаса,
и, вдруг, вырываясь
со сна,
видишь — это змея.
И страх на страх
ещё сильнее.

Сердце стучит,
срываясь,
еле жив ты в этот день.
Бог не с тобой,
а, может, ты не с Богом.
Страх...

04.04.2013.

Разбалансирован климат планеты,
и мы все платим за это.

Семь миллиардов
под солнцем живущих
жизнью своей
отравляем мир сущий,
духовный.

А Бог нас всех любит
и бережёт,
и снимает напруги,
что возникают
в разных точках планеты.

Бог-то всесильный,
но он ждёт от нас
жизни по Слову Живому,
а мы ведём разговоры в ООНе
о газе углекислом
с машин, предприятий,
тепличном эффекте
и глобализации
наших условий
и экономики.

И Голливуд как цех литейный
гонит кумиров, божков
по планете.

Попсовые сцены, “фабрики звезд”
идолов лепят
из отходов,
кость и маска лица,
чтобы болванить.

Кумиры и идолы
у капиталистов в карманах,
и в тёплых постелях
домов в поднебесье, на яхтах.

Артели
клепают их вместе
с народом с подвалов
земли преисподней.

Заполонили Землю
отхожим продуктом
воровских накоплений.
И музыка, музыка —
каждый первый
с инструментом — “гений”.
И льются ватты, тонны
и мега
в просторы планеты,
и под Божье небо
туфты несусветной,
похлеще проказы.
Коростой в мозгах
она чешется ладно.
Церкви, секты, отряды,
обряды,
многие праздники
для профанады —
напиться, упасть
и забыться.
А Божие Слово,
молитва в поту,
горести сердца
и кровь на лбу?
Может быть, есть немного
таких
из семи миллиардов
туловищ людских...
Правительства стран
врут несусветно,
воруют деньжата
и тешатся телом —
то бал-маскарад,
то бал без одёжек,
то адреналин
на малолетних девчонок,
и мальчиков тоже.
Всё стало доступным.

Но молятся богу,
своему,
что подспудный,
послушный
и преданный
как часовой,
или охранник Коля,
Кучмы.
Ненависть в мире
скоро дамбы сорвет.
Ненависть в мире
как в войну самолёт,
что уже загорелся,
но ещё летит,
минута, секунда —
и взрыв.
А нам накаляют
пространство
со лжой
новыми брехами
о власти “стеной
за правду и волю”,
демократию-мать
и свободу,
ушедшую вспять.
Выпивши много
и подгуляв,
свобода исчезла, ушедши
в седой туман,
то ли искать,
то ли бороться.
Ети его мать,
а драться придётся!
Сколько ведь зла
с планеты на небо!
А там есть предел
духовный.

И хлеба не хватит
нам на Земле,
и климат глобальный
сглобажит всех
за пределы орбиты,
или на дно морей.
Останутся чисты.
Мало.
Но их вера сильнее
тех миллиардов
сорвавшихся с рельс
властей и идей
которые стали важней
Слова от Бога
и истины жизни.
Разбалансирован климат
не углекислым газом
машин,
а сердцем каждого,
кто к богатству спешил,
кто страсти земные
избрал ради счастья.
А счастье — лишь страсти,
и тело в бесконечном экстазе...
Коптим небеса
духом недобрым,
идол, кумир
заменил Всевышнего Бога...

04.04.2013.

Офшоры, офшоры
у самого синего моря.
Банкиры здесь,
змеи, удавы,
и сам антихрист
встретить готовы
во время любое
тех, кто обобрал свои народы
и теснил бедных к забору.
Офшоры, офшоры...
Триллионы зелёных...
А как же США?
Не знают о суммах
заначек своего дорогого гроша?
Наверное, знают. И поощряют.
ведь мировое господство
их манит.
Им мало всего —
нужен мир
в дерьме по колени,
а кто-как отмоет —
дело его,
ведь и сами они
в падении.
Шестая часть суши
в бандюках,
и вирус этот оползёт
весь мир,
и где-то, ведь, зацепится,
вздремнет,
а там размножится,
и упадёт
та жизнь шикарная
как здесь.
Бандиты, они бандиты и есть.

А в офшорах
все бушует,
сейфы, сейфы
там пакуют
люди бывшие всех стран.
Души их там,
и яхту
каждый ставит,
деньги —
миллионы тонн там.
А мир голодает, болеет,
не учится.
Мир обворованный
правительством ужаса,
что распустило своих
пауков
по всем континентам.
Для дураков —
песни и пляски
о демократии.
Для дураков —
выборы братии
с ложи антихриста.
И, упиваясь вином
пересыщенным —
в нём кровь людей
и детей,
что ушли
рано, без денег.
Нет их —
врачи не поверят даже
мальчикам хилым.
Деньги давай!
И ребёнка распилим, подлечим...
О, Боже!
Как страшно здесь, на земле!

Мировое правительство
и все их холоуи во тьме,
предали страны, народы,
Тебя.
Предатели Бога —
с антихристом в да
играясь, воруясь, вря,
и гоняя
деньги в офшоры,
деньги страны
некогда в славе — Америки,
что отдалась антихристу-папе.
Офшоры, офшоры,
сейфы и кадки.
Триллионы украдены,
и без присяжки,
а в тюрьмах сгнивая
люди за три цента
томится, режется
под аплодисменты.
Мировая политика
власти отмирской.
Большая империя,
я с мечом
против тебя
один вышел!

05.04.2013.

— Мама-лётчик?
До трынды!
Не профессия.
Иди, Петя, иди.
Вот у Коли мама
контролёр по газу.
Это профессия, что надо.
В Шуры папа — “Транспарксервис”,
там деньги
выше шеи.
Каждый день паркует тачки.
Нал — в карман.
Это не сказки.
В Нины мама — проститутка,
здесь, на трассе,
после турков.
Милая для всех попутка.
Это — деньги, это — класс!
Даже я чувствую её припас
на день рождения и
в праздник —
не жалеет. И не пряник,
а наличку.
В Миши папа — босс налогов.
Это круто,
как Обломов, —
целый день лежи, мечтай,
а тебе несут,
только не ленись, считай.
У Вити папа — мент.
Это как аплодисменты
в зале после песен, плясок,
это как зимой подарок
в виде визы и путёвки
на Мадагаскар.

Недомолвки, сплетни, злости,
надо было раньше кости
мыть себе, а не сегодня
умным людям.
И встает Маша-малышка:
— А мой дед поэт и книжки пишет...
— Маша, это ерунда,
это дурость
навсегда,
вот еще в СССР, тогда...
А сейчас это не хлеб,
это — нервы.
Маша, ты молчи,
никому не говори —
посмеются люди с пивом,
весь базар зальётся дымом,
сигаретным, в смехе звонком.
Поэт это как девчонка —
весь в мечтах и грезах дива.
Маша встала, и
строптиво
подняла глаза,
и учителю сказала:
— Дед писал про дураков.
Я не верила сначала,
а сейчас смотрю направо,
посмотрю налево тоже.
Вы же больные мозгом!
Все профессии нужны.
а вы всё — деньги, деньги!
Это мысли в школе,
да ещё в начальных классах!
А как мыслят наверху
те бандиты, что всем правят?

04.04.2013.

Писал книжки наш президент.
Гонорары получил
в один момент —
шестнадцать миллионов гривен.
А журналисты и народ
завидовали его жизни.
А ты возьми и напиши!
Попробуй, хоть страницу.
А президент рванул
на сумму гонорара вышел
самую большую по стране
за сто последних лет.
Я не завидую. Пишу,
тружусь, и тоже жду
свой гонорар,
кто-то заплатит,
может, друг Малюк, издатель,
может, газета, или журнал.
Однако, речь здесь
не обо мне.
Мне деньги не есть главное.
Деньги главное — стране,
как грибы в год урожайный,
чтобы было что украсть
чиновникам из банды.
Но я отвлёкся снова.
А журналисты в это время
всё бузят, коровят
первое лицо,
и не в бровь, прямо в глаз,
на пресс-конференции
перед страной.
Мол, книжек не было,
а деньги эти вам
пришлось украсть,
и книжек нет, а деньги дали.

Все говорят об этом,
о морали,
им, что ли, темы нет другой?
И на экране, бишь вчера,
на TVi, вечером, появился
один мудрый человек, считай,
писатель, член Союза.
Он говорил долго и умно.
Мол, президенту некуда
деваться:
деньги получил, потратил,
а теперь откроют магазины
в каждом райцентре,
чтобы прогнать фиктивно
эти тиражи обильны,
и выйти на нужный гонорар.
Писатель умный,
обсудил тему в Союзе,
и дальше он сказал:
— Такие нужные нам, людям,
наболевшие мечты:
мол, в каждом книжном
магазине прогонят книг по сто.
Скандал пройдёт,
а магазины останутся везде,
и, может, наши, говорит,
там книги издадут
и продадут.
Интеллект, конечно, писец...
Президент будет открывать вам
магазины, чтоб оправдаться
за два миллиона зелёных?
Ха-ха!

05.04.2013.

От цинизма циников
незаметно, тихо,
Луна сошла с орбиты
и улетела к другу старому
Юпитеру,
немного душу подлечить.
От цинизма циников
вождей, кумиров, идолов
люди с совестью
оглохли полностью.
Время уходило,
и вот новый приказ:
— Из домов выйти,
в колонны, и на парад!
А тьма была вязкая
без Луны в ночи,
звезды свет убавили,
а некоторые светили
мимо Земли.
И падая в ямы,
цепляясь за пни и кусты
люди добрались
на праздник их мечты.
Вождь трибуной поднятый
метров на триста вверх,
фонари, электрика,
и марш всех сразу побед.
Шёл народ сутулясь,
и песни пел в строю
о Родине
выросшей как бык в хлеву.
Ещё о тыквах пели,
огурцах, салатах,
о помидорах белых
и, немного, о красных.

Пели о картошке,
о садах в раю.
И парад тот длился
года два.
Угу...
В строю люду поприбавилось —
силовики свезли,
а вождь стоял красавцем
на трибуне, что взлетала
всё дальше от Земли.
Красные политики
эпохи “Русь в кумаче”
раздавали блинчики
бесплатно, но не всем,
а только тем, кто пел
о родине в любви,
о вожде и партии,
которым нет равных на Земле.
Луна, забыв обиды,
миазмы от Земли,
людские организмы,
что так себя вели,
украшившись цветами
и светом серебра
в обратный путь легла.
И подошла к орбите
на скорости большой,
трибуну зацепила
с важным Земли вождём.
И летели доски,
и металл летел,
вождь, весь красный,
с ордою вождей —
кто в далёкий космос,
кто на Землю, вниз.
А Луна в свой кратер
приняла правительство
и самого вождя.

Смешались катастрофой
трибуна и вождизм,
а внизу колонны
идут двадцать третий год,
и всё дальше вниз,
красят на ходу патроны
и кричат “Ура!”
А Луна светит на Землю
так, как никогда.

05.04.2013.

Повінь.
Велика вода.
Стрімкі потоки
заливають села.
Вода в хатах,
хлівах, подвірях.
А голова сільський
кричить:
— Нема заяв! Нема води!
Село все глибше у воді.
Пливуть селяни у човні.
— Нема заяв!
Це обман.
А хто заяви ті напише?
Люди рятують нажите.
— *Скоро вам поддам
из Брянска,
с тех лесов, где партизаны,
там снегов у меня много,
помогу с России.
Скоро. Очень скоро.
Днепр наполню до просторов...*
— Як вони нас люблять!
Талий сніг,
брудні калюжі
на полях, дорогах
допомогою вважають.
Ми прорвемося самі, —
кажуть люди у селі. —
Нам все звично:
сніг, вода,
колгоспна влада і ЦК,
і демократія ця вкрай важка.
Все проходили не раз,
як і той російський...

Глаз

мой пристальний на вас —

Украина нам как раз

для империи — полтрона,

и народ для эскадронов

в нашу армию хорош —

українці не за грош,

а бесплатно, за идею,

сколько лет служили нам.

— Я Юрка вам відпустив,

щоб народ про сніг забув,

та й Європі очі вмити.

Та й щоб знали

хто тут милує й карає:

я!

Я господар!

І земля ця вся моя!

А союз Європи —

може, буде,

може, й ні...

Він мені, що та прибуде,

вот Россия — это да!

К нам давайте, господа!

Терфиконы, вновькоммунисты,

старого теста

атеисты,

а сегодня — все по храмам.

Коммунисты-обезьяны

повторяют терфиконы —

сила в них,

у них законы.

— Я в Європу ніби хочу,

а мо' й ні,

але ж кортить

кудись і якомсь влізти,

туди, де гроші.

Комуністи мають гроші,
їм то що?
І я хочу.
Я б і в НАТу поліз сам,
в НАТі добре,
там валом зброї, техніки
і грошей.
Дали б НАТу мені тоже
в керівництво на рік, два,
і закрили б очі всі в Європі
господа.
Я б імперію створив
від Кавказу до Курил,
від Дамаска до Каїру,
від Зімбабве до Алжіру —
все б лягло під ноги нам.
Я би світу показав
новий геній —
куди Османам, Македонським! —
і звання би я не мав,
ні наград,
тільки військо,
і парад моїх великих перемог
Новосвіту і епох.
— *Слышьшь, Вова?*
Новый лидер.
Переплюнул он тебя.
Ты в таможни —
ать и два.
Этот взял большую планку.
Вдруг поднимут
в Европе бланки
ассоциативных начинаний,
и он станет генералом,
а потом — Генсек по НАТО?
И пойдут, пойдут солдаты.

— Да, Медведев,
незадача...
Новое приходит время.
Нам нужно тихо
пережить
все угрозы от хохлов.
— Сколько, Вова?
— Да лет сто.
А потом возьмём своё.
Станем снова мы могучи.
Север.
Ветер гонит тучи,
снег от нас.
— Да, Вова. Хватит.
Климат сменится в России,
мягкий станет.
Где Сибирь —
будет субтропик.
Чем пугнёшь их?
— Да...
Зараза!
Плохо очень.
08.04.2013.

Власть.
Как не хочется тебя терять!
На что только не идут
умы людские,
чтобы сохранить её
любой ценой
из цепи преступлений,
где грех сплошной
нечистой нитью
связывает всех,
кто совесть
обменял
на блага
материальных
и физических усад.
Рука на Библии,
и клятвы Богу.
Но Бог становится для них
пустым лишь словом.
У них свои боги —
сами они!
Первая трава весны,
набухли почки,
и землю, врываясь в мир,
пробивают силой
нежные цветы.
Первые.
И птицы, птицы...
Кто-то видит, слышит,
а кто-то технологии
химичит,
чтобы остаться в троне
ещё надолго.
Хоть не достоин он
не только трона,
но и земли этой,
украденной в народа.

Пустое место.
Жизнь пустая.
Гоняют деньги
с банка в банк,
воруя.
Им благодать всё это.
А нам терпеть,
и верить тихо.
Нам всех любить —
извращенцев и бандитов,
типа людей,
и пьяниц горьких,
которые не могут
молча,
а ищут счастья
на земле
идя по людям
измученным как по траве.
И льется музыка
с роскошного авто,
девица упивается
здесь пустотой
на коже, в роскоши
одежд автомобильсалона.
А я так заскучал
по дому,
которого
уже не видеть снова,
и никогда...
Всё по-другому.
И жизнь взяла
и повела,
хочу я или нет...
Но мне бы
видеть Бога!
Власть.

Борьба вокруг
побитого шашелем
и сто раз перекрашенного
трона.

Преступления.

Грехи.

Да просто у них
не все дома!

10.04.2013.

Утром рано,
когда сон ещё глубок,
вдруг,
пронзительный звонок:
— Это Вова. Путин.
— Ты ошибся! — говорю.
— Да здорово!
Узнаю я голос твой,
знакомый, близкий.
Ты ж там гений
украинский!
У меня таких здесь нет.
Есть чурбаны,
звон монет
слышен в каждого
в кармане,
кто со мною Русью
правит.
А таких как ты...
Не с кем словом,
понимаешь,
— как говаривал
тот парень,
что в раздел пустил
судьбу
нашей родины.
Я к тебе с таким вопросом:
был в Германии.
И к носу — бабы “Фемен”.
Сиськи — класс!
Но обписаны.
...Чудак ты, парень!
Ты ж поэт, не понимаешь —
ручкой писаны,
не писькой:
“На х... Путин!”
Вот сосиски.

Что мне делать?
Засадить?
— Вова, нет.
Там бабы — шик!
Но можно что-то подхватить...
— Слушай, парень,
ты не понял!
Я тюрьму имел в виду,
иль зону!
Баб своих в моём гареме —
как в султана Сулеймана.
Нафиг мне
эти, блин, шмары?!
— Вова,
пусть живут,
и дальше
светят сиськами
по миру.
Этим кого сегодня удивишь?
У нас по трассам
тыщи их.
А в отелях? А в борделях?
— У нас тоже.
— Тоже дело.
— Да, поэт...
Пришло же время —
императора,
в темя,
голой бабой
перед людом!
Что нас ждёт?
Что дальше будет?
— Будет, Вова,
аут вширь,
аут вдоль,
и аут вглубь.
И ты — мелкий ферзь
на клеток поле,

тобой двигают как этой,
что бросалась на тебя
с надписью “на х...”
Нужно строить новый
мир.
Знаешь, Вова,
ты — кумир.
В тебя рейтинг,
власть-мочило,
в тебя сила сил
в ракетном стиле —
строй страну народу,
социальный всем порядок.
Гони на фиг
на восток
шваль всю с банков
и с дворцов-офисов
в Москве, Петербурге,
да и везде,
гони, Вова, эту банду
в Колыму.
А здесь отметь и набери
новых, молодых,
что с Богом ходят,
и возьми себе в подмогу.
Построй страну,
всю в солнце,
в правде, в истине.
И звонко
пусть играют
все оркестры,
а попсу поставь на место —
на бульвары, тупики,
пусть поют там.

И штыки ты
поверни от народа
к бандитам, мафиози,
к мерзости людской,
шакальной.

Делай, Вова!
Что молчишь?

10.04.2013.

Как-то скучно стало жить.
Однообразие.
Бежит
день за днём,
за часом час.
То подружку
выловишь, в парке гуляя,
то телевизор —
он охмуряет.
Нечем заняться совсем.
Либеральный бурж-отель.
Взял кредит,
и стал богаче.
Верить в это —
наше счастье.
А работа — от винта!
В офис,
с офиса.
Дела.
Ещё месяц-два назад
всё бурлило.
Я был рад.
Я был нужен всем подряд.
Подошла весна,
поболели,
и кто куда.
Кто-то в глюки-депресанты,
кто-то пьет седативанты,
тот “под мухой”.
Всё больше лёжа
жизнь проходит
ясновельможей.
А тут, вдруг,
в окно смотрю:
вечер, дождь,
фонарь уснул,

или лампу стырил кто-то,
а в окне — Обама!
Что ты!
Испугался я чуток.
Этаж пятый и высок.
Думаю, шутит друг:
вырезал с фанеры,
как в Верховной Раде клерки —
то Базарова носили,
то еще кого-то били.
Но окно я приоткрыл.
Он мне “Хай!” сказал,
с улыбкой
руку подал.
Я пожал.
И впустил его я в дом.
— Слушай, парень,
я к тебе.
— А ты как сюда?
Самолётом? Пароходом?
— Нет.
Я на новом звездолёте.
Десять минут всего
лишь лёту
от Дома Белого к тебе —
вон тарелка, на трубе.
Я зашился. В Штатах —
швах,
в мире — кавардак.
Удержать миропорядок,
либерализм,
демократизатор —
нету сил.
Я бы просил
полететь со мной, помочь...
Я оделся.
Я не прочь.

Скука жуткая житья.
И в окно.
Тут тарелка подошла,
мы нырнули в люк.
И минут за десять,
может, на секунд пятнадцать
больше —
крыша.
Белый Дом
и солнце.
Пили кофе мы в Овальном
кабинете.
Посмотрели все портреты
президентов США.
А потом я взял дела
в свои руки,
ну, как всегда.
Разрулил страну,
Восток.
Планов новых наволол —
и войны, и мира-счастья.
Прежде — дети.
Их спасайте.
В них надежда.
Они сменят поколения
дурковавших
на бузе коммунизма
и грозе его жестокой
для мира капитала с попой
и цилиндром на башке.
Всё уйдёт как
пыль в траве
после дождика однажды.
Дети, дети —
это важно.
Мы повязаны мозгами
с нечистым духом
и мечтами:

деньги, тёлки молодые,
бабы, но с деньгами,
а без денег — под отвал.

Деньги, деньги —
наш багаж
в мир смертный
накопили
кто сколько смог:
крутили,
крали,
и тягали.

И программу подписали
сам Обама и Сенат.

Перестройка.

Потом — лая.

Как когда-то в СССР.

Новый мир

и новый сэр —

без мильёна,

без машины,

без бухла

и баб красивых,

без безумной лихорадки

банков, бирж.

И сэр в порядке.

Рад Обама был,

и очень.

Орден вытащил.

— Да что ты! — говорю ему
смеясь.

— Я не цацки, ёлки мать!

Я идею воплощаю,

мир трясу

и мир меняю.

Я даю надежду людям.

Я терплю бардак,

что всюду,

я страдаю от неправды.

Я молюсь,
и жду красу
жизни, счастья,
и пишу, пишу, пишу.
... Сели снова в звездолёт.
И Обама просит тихо:
— Давай, рванём в Европу.
Лихо там
напишешь план
слабоумным старикам
отошедшим от святынь,
олигархам,
и всем другим.
— Нет!
Устал я ... — говорю. —
Домой вези.
Я там посплю
и отдохну,
а потом —
звони мне, брат...

11.04.2013.

Целый день пил я пиво,
у телевизора сидел.
Красиво
жизнь моя сегодня уходила.
Вечером читал газеты.
Штук десять,
и одна — об этом...
А когда жена полезла обниматься,
газету тоже просмотрев —
о, братцы! —
я попросил ее:
— Давай сначала выпьем.
Мы осушили
водки с литру,
жена упала,
и я с ней рядом.
Под утро снится сон
о бабах,
а дальше — президент страны.
Пишет указ,
выпускает Юльку из тюрьмы,
и отдаёт ее,
пока что, мне.
А тут звонки с Европы, США:
— Юльку отдали тебе?
— Да, мне.
— Так отпусти!
— Не дам!
Такая женщина...
— Слушай ты, хам!
А тут и Жужа,
Юли дочь,
и муж её.
И я отдал Юлю.
Прочь все фантазии мои!

Но снова президент страны:
— Вставай, солдат, —
мне говорит, —
и помоги.
Всех бывших трёх
известных президентов
мы сейчас посадим в зону,
одномоментно.
И посадили.
А к ним и пару
олигархов, чтоб усилить.
И подали в розыск
Хорошковского-трудягу —
Интерпол докладывал
каждые полчаса нам
о результатах.
А Европа, США — молчат,
как в рот воды набрали.
И начали мы всех сажать:
чиновников, что взятки брали,
народных депутатов из богатых,
воров клейменных,
а в их хаты
селились бедные
с затопленных домов.
Солдаты
с нами все в ружьё.
А тут и Берлускони
нагишом,
да девок классных
штук пять,
и подарки мне, подарки —
некуда уже их класть, —
и слёзно просит:
— Забери всех тёлок,
и Расскажи прессе,
что это ты гулял с ними,

и падох
на тело женское
не я,
а ты!
Брат, помоги!
Мне на выборы идти.
И я согласие дал
не сразу:
баб осмотрел
и спереди, и сзади,
потом одну взял
себе в постель.
Чуть погулял,
всё таки апрель!
И хорошо.
И жизнь прекрасна.
А Берлускони тащит
журналистов,
меня снимают.
Я прошу прощения
у феминисток,
прошу прощения у стран.
Критикуют
меня,
и день и ночь
в телевизоре
я и бабы.
А тут снова наш президент:
— Ну что Европа, США?
— Да ничего.
Меня льют грязью
за испорченность
и страсть
к деньгам и женщинам,
а так — всё тихо.

— Ну хорошо.
Пошёл сажать
ещё одно я лихо,
а ты — гуляй.
И вот все пять красоток
вокруг меня —
целуют, гладят,
и течёт слюна.
Я мокрый, потный
от любви...
Просыпаюсь.
За окном
поют мне соловьи,
и жены зад в лицо
мне на подушке.
навеял сон
Дали...
Едрёна мать!
жизнь всерьёз,
или игрушка?..

12.04.2013.

Умствующая фигатень,
сложив руки на груди,
шепчет мне:
— Иди, иди ко мне, иди.
Книги мои возьми,
читай,
и по ним живи.
Я мысленно падаю
на колени
перед Богом Всевышним,
и ночью, и денно
в молитве,
хоть редкой,
но к Нему одному.
Как много сегодня
ловцов душ
человеческих,
живых и ушедших уже!
Каждый умничает
умом безумия.
— Иди ко мне!
У меня дух
как дух Везувия!
И бросив сети
и лодки с рыбой,
люди идут,
а время обрывов,
где оборвется нить
бессмертия,
и куски её
не везде скреплены,
а рядом
проволаки, верёвки,

сети
из современных
материалов
светят
живыми лучами,
ведущими к смерти.
Ловцы душ —
одиночки и секты,
церкви новые
и отряды оторванные.
Ловцы душ
человеческих,
живых и ушедших уже.
Молитва к Христу
ведет на отрыве
от верного конца
к другому верному концу.
Молитва Богу
со слезами и кровью
за грехи пущенных
гулять по миру тучными
ловцами душ.
Деньги и куш,
движимый и недвижимый,
в пороке страданий
обезвремененных,
диагноз чувств
души
не лекаря.
Лекари тоже
ловят умеючи.
Умство,
ум,
умение,
заумность.
Умоклянчество.
Умоклянчество.

Рвущий плотины умофигует:
— Человеческих чувств сторонись!
Окстись.
Очнись.
Извинись.
Поберегись.
В бессмертии жизнь.
Ажепророки
уже умствуют
и наступают.
Пророки тихо
в безвременье
обрывы
нити бессмертия
на коленях
для нас
соединяют...

12.04.2013.

Вова Путин
снова звонит.
Подрасстроенный,
встревожен.
Мысли, фразы
кругом гонит.
— Слушай, Вова,
чё ты хочешь?
Чем помочь
если беда?
— Да социологи у нас
опубликовали, —
для меня транс, —
что, мол, Россия
от меня устала.
На выборах, следующих,
жду скандала —
не изберут меня опять.
Им Медведев сейчас в масть.
— Слушай, Вова,
чё ты ноешь?
Это же ты придумал
эти ходки:
ты — Медведев,
он и ты,
и всё по кругу
всех крути,
как и крутишь
много лет.
А ты ноешь,
что ни свет
и не туман.
Избиратели в обман
не пойдут,
изберут.
А что, вдруг, не ты,

а друг —
всё по делу:
технология в мозгах
так впечатана,
что трах
какой-то из соцлужбы
тоже крутится
снаружи
того круга:
ты и он,
он и ты.
А всем другим —
облом.
Во финты
придумал ты!
И расстроен от соцы?
Может, что-то так
тревожит
в подсознании,
в сердце гложет?
А соцы
подожгли шнур:
лёгкий треск и искры
шепот,
но потом бабахнет. Вова,
говори, не молчи,
если выбрал в умачи
самого гения ты сам.
— Да, поэт,
ты прав.
Кошки острыми когтями
скребут душу,
и до ямы,
куда грохнется народ,
недолго.
Что мне делать?

— Вова, снова
ты канючишь
то же.
Я дал идею тебе, план —
выполняй!
А ты всё сам
крутишь жернова мозгов,
сушишь голову
и кровь отравляешь...
Не могу,
Вова, правду...

12.04.2013.

Соотечественники!
Не отбивайте нос
у моего памятника!
Я вам не Ленин
со товарищи.
Я ваш,
и вас вперёд
на много лет вижу.
Я знаю как будет.
Водки вволю и доступно.
Выпили и стало скучно.
Делать нечего,
хоть работы хватает.
Посмотрите на
горы мусора
и на поля
с огородами —
они бурьянами
давно зарастают,
но мы отучены
от трудов на земле.
Водку выпили,
и пошли искать
где что-то сломать,
украсть и
боднуть.
Не трогайте памятники,
мои наследники!
Читайте стихи,
читайте требники.
Слово и Слово,
вместо горькой.
Вам в пьянстве весело,
а мне, в небесах,
больно...

12.04.2013.

В своих снах
в который раз
в подлунный час
я вижу вас,
и в небесах
играет нам оркестр.

Я нежно
прислоняюсь
к той руке,
которая ласкала
как ребёнка
голову
мою.

И я рискнул всем и вся,
ныряю в вечность бытия
к вам, туда,
где не найти
с земли вас
днём.

А только ночь.

И сон.

И под луной
снова мы вдвоём.

Нежно вам

я пою
под музыку,
что слышу там,
и, взрывая сердце,
угоняя прочь печаль,
мы снова вместе,
хоть и во сне,
и не надолго.

Но ты знай
мои мысли и любовь
струящуюся
по Вселенной вновь,

и этим днём
живу тобой
из сна ушедший
я, живой.
А ты,
затерянная
в мире
или там, в мирах,
моя любовь,
недолюбленная мною,
и нежности
так много
здесь, на Земле, со мною.
Ты моя,
и я во снах
жду тебя всяк час,
и приходишь ты
наградой,
утешением,
отрадой.
Бога славлю
за любовь и жизнь,
и тебя прошу:
к Нему стремись.
Только там
нам встреча вновь.
Здесь всё в прошлом
как тот дождь и гром,
когда тебя я ждал,
ты опоздала на
минуты,
я ругался и кричал.
Теперь я жду
десятилетиями снова,
и только нежность
и любовь во мне.
Но скоро...

12.04.2013.

И тот мотив...
И тот мотив...
Я так любил!
Я так любил!
И песня льётся изо всех сил
туда, где нет уже меня,
туда, где нет уже тебя.
На перекрестках всех дорог,
в пути начале,
где порог,
стоит судьба твоя.
Её лелеял, и писал,
о ней я грезил и мечтал,
её я видел в вышине.
Она моя...
Но часто
было грустно мне.
И как предчувствие того
сил тёмных много
покорять пришлось,
и берег темный,
и река, где дым шел чёрный
в облака.
И я молился у реки.
Я ждал свою весну,
ту, первую,
которую мне не вернуть.
— Вернешь! — мне говорили
рядом не раз.
Сейчас весна пришла опять,
и много вёсен по житью,
а я всё жду свою, одну.
Ушла любовь на дно реки,
там ил,
там темень,
и найти её
уже нельзя.

А было солнце,
прозрачная вода,
сверкали звёздами
твои глаза.
Теперь стоящая река.
И грусть, которая
всё чаще у меня.
И тот мотив...
И тот мотив...
А я люблю...
Я так любил...
Не бывает
у любви
конца пути и не пути.
Любовь есть святость
от небес.
Любовь есть жизнь,
и мир воскрес,
когда пришла любовь
в весне.
И я ловлю ту песню
всю жизнь
по всей Земле.

12.04.2013.

Шаги, шаги, шаги.
ноги босые, избытые в кровь.
Кому повезло —
в рваных ботинках и сапогах.
Шаги, шаги, шаги.
Шаркающие ноги. Идут
как старики.
Кто-то упал.
Конвоиры кричат.
Лай собак
иглою в сердце идущих колонн.
Очередь из автомата,
и труп на обочину.
Иссохшие губы
измучены жаждой
под палящим солнцем
и канонадой,
чуть позади.
Военнопленных
в обратную сторону увели.
Шаги, шаги, шаги.
Ноги разные.
Дети, женщины и старики.
Тележки и сумки.
Чемоданы. С ручкой. Без ручки.
Обвязаны веревкой.
Длинной колонной
в яр и яры.
Строчат пулемёты,
и пулемётчики к вечеру
сходят с ума.
Тысячи насмерть расстрелянных
снова.
Война.
Шаги, шаги, шаги.

В деревянных колодках
и униформе
с номером вклеенным
антинародом.
Великие расы ведут на работы
измученных, одиноких.
Щемящая боль
душ и сердец.
Жестокость по миру.
Надежда на смерть.
Скорую, быструю,
и навсегда.
Взгляд многих бессмысленный.
Это война.
Шаги, шаги, шаги.
Ботинки, форма, и руки в крови.
Зачистка района
от партизан.
Стреляют вначале,
а потом смотрят, что там.
Подлость и нехристиво
под руки идут,
танцуют все танцы,
которые
заказаны и оплачены
раньше.
И музыка пушек на танках
с горючим
смадом соляры
и пылью,
отрада для многих
в “ролс-ройсах”
и на мягких диванах.
Бухгалтеры работают молча,
и долго считают
прибыли с нефти, оружия,

власти
новой, пришедшей
в крови,
и несчастьем
ставшая здесь
над народом.
Война с новым
менеджментом
и новым политподходом.
Шаги, шаги, шаги
по кладбищам.
Между могилами
кое-где лежат цветы.
Вместо сына остались
идея, знамя и герб.
Олигарх и банкир,
фонаря
от власти,
из темных кулис и окраин
бушующих войн
и раздолбанных зданий
прибыль считают.
Дети без мамы и папы
в приюте.
Дядя-смотритель
извращает и любит
мальчишек от трёх до семи.
Числа святые,
и он неплохой:
приносит им сладости,
игрушки порой.
А канонада так далеко,
и хочется ближе,
и чтобы легло
тело снаряда
прямо в лицо
того, кого надо
назвать подлецом.

Но я не от злости.
Я от бессилия.
Да и не хватит снарядов
армий всех в мире.
Дух нарастает
силой и силой,
дух прирастает,
новый, красивый.
Дух прорастает
сквозь нечисть отбросов
чистыми листьями
к солнцу.

12.04.2013.

Великие люди
из великой эпохи,
которая от величия мощи
свалилась так низко,
там видны их лица
и путь их великий,
куда уже ниже!
Всё как графин стеклянный
со стола
лягнули вниз,
и упал он,
разлетелся
на мелкие части осколков,
что ранят руки и пальцы,
тех, кто их собирает.
А в каждом осколке —
судьба человека,
простого, без величия века,
и нет на нём клейм
и печати величия.
Антихрист поздравил великих
за их миссию.
Исполнено всё до пункта
последнего,
даже салфеток,
нос вытирать.
Всё проверено.
И, уходя в мир иной,
величали великих
великой эпохи,
где Сталин и Ленин
Хрущев и Андропов,
Брежнев и Главный,
кто сдал их в попу
вместе с эпохой.
А новое старое
воцарилось надолго.

Здесь снова великие,
кто рос в том осто­ве
упавшей эпохи,
но влез в эту
с помпой.
Они жили там,
и живут здесь уже долго.
Великие новые
старозабытые
новой эпохи
великой по битвам
и преступлениям тысячелетья.
Оккупация собственных
стран под поместья.
Великие дышат
и что-то глаголят,
им вторят хапу­ги,
что себя вновь готовят
на новых великих
после чреды похорон.
Смешная картина,
где вор и мыслитель
в единой артели
философии циников.
Все упростилось
как в пальме и финиках.
И время несет
величания величью
великих мордастых
и бесчеловечных,
и их оккупация
стран и проездов
сменится снова,
не дай Бог, на
то, что и прежде.
Но годы столетия ничему
не учили.

Слава успешным
и деньги служивым!
А все, кто был против,
пропали без могил.
Сегодня их помнят.
Мир поманил
их лики на фон
дешевых медалек.
А истина где,
за которую их убивали?
Истина, истина —
не для великих.
Они величаются собственным
именем,
своей философией
дохлых событий,
где истина — точка
на столах их забыта.
Кружится по кругу
круговерть недоверия,
и Вера, и Слово
стали разменными
для благ и той славы,
где рожа в газете
или мелькание
в телевизоре где-то.
А временем тем
воры все в подкопы,
и тырят и грабят.
Страны все в попе.
И носятся с этим
в журналах, на сценах —
десять или сто в списке
недели
по уровню богатств,
и где-то там цели
новых подкопов,
и новых сверхкраж.

И великие снова
в великий кураж!
Добровольно смешались
в единое целое
великое ворьё
и великие мыслители.
И пала свобода
для Слова,
и пала свобода —
правды основа.
И пала свобода
общественных благ.
Истины скрыты
от ушей и от глаз.
А восстала неправда
и ложь в пирамидах
великих с великими,
живыми и ушедшими из жизни,
и это величие закрыло полнеба,
закрыло дорогу
к свету,
и потом, честно,
заработанного куска
чистого хлеба...

12.04.2013.

У меня нет желаний,
и я счастлив без них,
мои мысли отстали,
опьянял их успех,
и они меня гнали
без конца в ненадолгую цель,
у меня нет желаний,
и, теплом, по груди.
Я уменьшил страдания
собирая утиль.
Впереди ждет планета,
и я верю в неё,
там пороха нету,
и не купишь ружье.
Там нет выстрелов
в голову за деньги и свет,
не убивают там с жиру
за землю и лес.
Там море волнуется
на берег пустой,
нет заборов и улиц
с именами “госстрой”.
У меня нет желаний
никаких, никогда.
Я уменьшил страдания
бросая как хлам
бесконечную утварь
и моторы машин,
золотые игрушки
и бумаги на жизнь
для других поколений,
лишая их жизнь
желаний трудиться
и учиться как жить.
Я построил и влез
когда-то в тюрьму.

Утром рано бежал
в воровство и брехню,
а на вечер назад,
под охраной, к себе,
под железо решёток,
и пистолеты везде.
Заливая спиртным
свою совесть и страх,
я пьянел и шутил,
а потом засыпал.
Ночью снились кошмары
чередой, без конца —
то меня убивали,
а то я убивал,
и кровь ручьями стекала
в мой глубокий подвал.
У меня нету желаний,
мои мысли ушли —
охмурять им другого
на мирском подлом пути.
А я в небо взираю,
на планету Любви.
Губы шепчут
Его величая
за спасение
еще одной блудившей души.

13.04.2013.

Утром ранним вновь звонок.
Это Вова Путин:
— А ты спишь ещё, сурок?
— Сплю. И рано. Да и дождь...
Выходной сегодня в нас.
— О! Прекрасно.
Поработаешь на нас.
Ты же любишь за идею.
— Да, люблю, Вова, люблю.
— Понимаешь, у нас, в России,
готовят новую бузу...
— Слушай, Вова, мысль мою.
Старая была эпоха —
демократический централизм
по Ленинской той философии,
что учила нас жить.
Ты перевернул и поменял
местами,
установив практически
всё то же самое —
централизованный демократизм.
Ты вновь построил
Русь в колонны,
где по четыре,
где огромом
люд ссутулив плечи
и головы склонив к земле
покорно тянет лямку.
И сколько раз
мне говорить об этом?
Я писал, не спал
и думал.
Я советовал вам, умным,
новый мир построить:
в любви и с Богом.
Христианство — не подмога,
а основа бытия.

А то, что ты сделал,
то фигня:
вновь совдеп-страна
из таких же прощелыг.
А ведь был же миг
озарения душ светом,
Бог сошел к нам,
а мы отвернулись.
И сполна получили,
и получим.
Бог нас любит,
и научит.
А режим твой,
олигархов, —
плохо, Вова,
очень плохо...
Я сказал бы:
это фашизм.
Убрал ты честь русскую
от трона,
и поднял инопатронов,
дал им власть
и блага все,
и Россия вновь в бузе,
хоть и тихо по дорогам.
Но время вырвет
пробку с дёгтем,
и зальёт он мёд ваш...
А потом — опять
всё по новой.
— Слушай, парень,
да ты гений.
Где ты раньше был?
И мнений мне твоих
надолго хватит,
всё обдумать,
не рысачить.

Я могу тебя на трон
поставить,
в Украине,
чтоб потом
нам вместе
в чистоте
и без газа, что в трубе,
а с идеей света неба
тьму убрать,
ведь с нею нежить.
— Нет, Вова.
Поздно мне.
Я поэт.
И здесь не мне всё менять,
судить, сажать,
чистить землю и пахать.
Мне — писать, писать, писать.
Мне души людей спасать...

13.04.2013.

Как из дворца
увидеть мир?
Когда хозяин его
смотрит из окна
вмиг пьянодурманный туман
застилает глаза,
и видит он
великого себя,
как в зеркале тумана:
— Да это ведь я!
И мысли, не с небес,
несут потоки:
— А ты великий, смелый,
ловкий!
Ты — вечный, поднят над людьми.
Твоя стезя
как стежка Бога.
Ты иди, смотри немного,
пусть больше смотрят на тебя!
Добреет сердце и душа
великого правителя страны,
или сатрапа,
что вынесло его из тьмы,
особенно у нас
на постсоветчине.
Возьми любого —
на роскошь
и разгул интриг
он поменял весь мир,
всю жизнь
отдал дворцам,
убранству комнат
и двора,
и лишь команды
отдает своим служивым.

А те спешат, спешат,
чтоб стибрить
хоть что-нибудь
пока хозяин жив.
А то придёт другой,
и новый двор, дворец
и челядь у него.
Поэтому все тырят,
а народ
внимает эху
от трибун,
внимает прессе,
где все врут и врут,
внимает в завтра
сто уж лет:
там жизнь обещана,
где дороги из котлет,
сосиски на каштанах, ясенях,
хлеба висят
на заборах,
и котят кормят
мясом ягнят,
а ягнят тех — везде,
куда достанет взгляд.
Утробу насытить
и одеть в парчу и шелк
тела —
вот об этом мыслят,
и это обещает знать
с дворца.
А Бог?..
Душа?..
В церкви разрешили
говорить об этом
так, вскользь, бегом,
и то, наверное, пока...

13.04.2013.

А мысли кругом в голове,
и всё вопрос, вопрос
ко мне:
— Что связывает нас с Богом?
И тихий шепот:
— Основа — СЛОВО.
Конечно, слово,
как основа
в пламени исшедшей
вновь души.
И пламя это не туши.
Оно гореть будет всегда.
Его на всех хватит.
Звезда
дает его воскресшим
при жизни мрачной,
и ушедшим,
кто осенил себя крестом,
и жил с Христом.
Я созерцаю мир
воскресший.
Опять весна,
и дождь пришедший
смывает пыль
после зимы,
и травы
тянут как дети нам
руки свои.
Основа — СЛОВО.
— Повтори, —
я говорю себе.
— В нём камень,
на котором дом построишь,
и семья,
народ,
страна
воспрянут и пойдут в века
другими,

не так, как было
здесь всегда.
Основа — СЛОВО.
Оно вначале было.
Стало Богом.
А нам бросают
кость в словах,
а нам бросают
кучи бумаг,
исписанных казённой рукою.
Они мертвы
без СЛОВА.
Там буквы, и то наскоро,
без сердца и души,
ради себя
и сюрреализма государства,
придуманного виртуально
для неживой, спящей души.
СЛОВО...

13.04.2013.

— Кондратий, хватит!
А он хватает.
— Замужняя я женщина,
ты понимаешь?
Мне стыдно так,
а ты хватаешь
за все мягкие места меня,
ласкаешь.
Кондратий, уймись!
Оставь.
Вон сколько баб
мечтают, чтобы ты пристал.
А ты ко мне,
и день, и ночь.
И, чувствую, я сдамся.
Я сама уже не прочь
снести твою напористость
в весну и
благоухающую ночь.
Бери, Кондратий,
всё бери!
На всю катушку покажи!
Люби меня!
Ещё!
Ещё люби!
Так хорошо мне было...
Кто до тебя —
не мужики...
Кондратий, где я?
Кто ты?
Всё скажи...
— Я смерть.
Меня в народе
Кондратием прозвали.

Ты, баба, поддалась,
и я хватил тебя,
и — хрясь! —
унёс в миры другие.
А те оргазмы у тебя,
то не оттого,
что ты дала себя,
а переход границы
бытия — небытия.
Тело грешное, красивое,
ты оставила мне навсегда...

13.04.2013.

Сила таранит,
пробивает мою честь
великой славой.
Но не сметь
меня сорвать
с путей ведущих
к небу!
И опять, опять удары
великой славой
под фанфары,
под гимны,
и поднятые флаги.
А честь становится
всё чище,
а совесть всё скромней,
и ниже ставлю
я себя за всех.
Ведь Бог мой
Един Отец,
Он учит скромности людей:
земная слава —
то смешно,
уйдёт когда-то в тень.
Цена ей — грош
в базарный день.
Земная слава — не людей.
А люди славу ждут
от Бога,
Его венец,
Его нам Слово.
А слава бьёт, таранит силой
как танк, ракета,
ледокол, машина
и в душу, в сердце
беспрерывно.

Но я иду своей дорогой
мимо земных
погрудий, пьедесталов,
смешных, из бронзы,
лиц людских, усталых,
покрытых пылью.
Так смешно.
Земная слава — существо
змеиной хитрости и злости,
сначала манит,
тянет в гости,
а там ужалит,
покусает,
напоит сердце дурью с флагом.
И понесешь тот флаг
дурацкий —
на нём твоё лицо
из краски,
и древко с удочки рыбацкой.
И спросят люди:
— Вы на митинг?
Вам заплатят?
А ты с гордой головой
скажешь:
— Это я иду с собой,
и буду так всю жизнь ходить.
— Дурак, сынок, —
прошепчет старичок
на лавке,
и крестным знаменiem
осенит себя
и тебя с флагом.

13.04.2013.

Стрелою горящей
пламенем сердца
своим сознанием
я ухожу в глубины вселенной.
Новым миром я здесь упиваюсь.
Какой я счастливый,
в любви пребываю!
Нежно к звезде
цвета сирени
я рукой прикасаюсь —
земная сирень
уж полгода
как отцвела,
а здесь её запах
пьянит как весною.
Сиреневых звёзд
я видел немного,
но эта, вся в бархате,
и на ней моя дорога
в горячих лучах
цвета сирени.
А дальше — звезда,
к которой летел я
последние дни,
боясь потеряться —
во Вселенной один,
и нет здесь мне карты,
судьбою ведом
от звезды до звезды
далёких миров,
но родных, как и ты.
Милая мама,
я ищу здесь тебя.
Мне показалось,
что видел глаза
той далёкой звезды,
которая очень похожа
на взгляд твой родной,

но я не попал
к ней
через сбой
времени света
в скорости этой
довольно большой
для меня поначалу.
И я возвращаюсь
на Землю с виной,
что видел тебя,
и ушёл, не прощаясь...
Так было не раз
в жизни земной:
я шёл, уезжал,
махнув лишь рукой,
или бросив: "Пока!",
исчезая надолго.
Мне казалось:
лет твоих на Земле
ещё много.
А теперь по Вселенной
сжигая огонь,
который во мне,
я мечтаю о встрече
с тобою — звездой.
Но мир бесконечный.
Воли Творца,
наверное, нет
на мою
желанную встречу.

13.04.2013.

Который день
метелица, метель,
и всё вокруг белым бело.
Деревья в шапках снега.
Хорошо!
Я наслаждаюсь
музыкою ветра.
...В парламенте опять
шум, гам, скандал —
секверст бюджета.
Вообще-то парламент у нас,
так, для отвода глаз:
всем правит президент.
В разведке говорят:
“операция для отвлечения
видимости на сейчас”.
Парламент сгас.
А тут, под ветра вой,
звонок с Москвы:
— Ах, друг ты мой! —
говорит мне Путин Вова:
— Штаты задолбали снова.
Список Магницкого
расширить захотели.
Мою команду рвут
живьём по телу.
Давай, поэт,
ответим новым списком,
где ты возглавишь
моих людей:
депутатов там, министров, —
списком добрых дел:
кто стадион построил,
кто церковь, дом —
всё ж для людей!
И этот список в Штаты.
Ты главный в нём.

— Послушай, Вова,
я за Магницкого
готов
порвать твою всю рать.
Вы засадили человека в зону,
а там — заточкой — зеки,
и в солому.
Погиб борец за правду,
понимаешь...
Как научить тебя добру?
Ты знаешь,
Обама мягче и добрей,
хоть многие его не любят.
А людей
он бережёт чуть больше.
— Вот именно, поэт, что больше.
Сколько он сгноил
их на Востоке,
всё ради демократии жестокой,
циничной и маразмной
модели?!
Для мусульман
она не в деле.
Он слушал олигархов и банкиров,
и шел за нефтью,
а прикрывался, блин же, миром!
— Да, Вова, здесь я
не возражаю.
Но он по тюрьмам
борцов за правду не сажает.
Ладно, Вова, пока!
Мне звонит наш президент:
— Да!
— Я Юльку задержал!
— Да, да...
— Я Референдум проведу!
Косолапчук мутил,
и замутил.

Мы власть рванём всю,
навсегда.
Ты подключайся там,
в стихах.
Получишь кусок земли под дом.
Славу тебе воздадим кругом!
— Спасибо, Витя.
Ублажил.
Ты с полыми в огонь бежишь.
Ты всё играешься страной,
где люд остался без мозгов.
Но есть и умные, поверь.
Послушайся, не лезь.
Ты досиди своё спокойно,
выборы отдай достойно,
а то нарвешься
как Кучум
на пляски, танцы.
И демонстранты уже
пойдут с камнями,
и их, Витя, остановить
не сможем сами.
А вертолётник может
не взлететь,
Борисполь перекроют,
и амбец.
А ты куда потом?
Давай, пока.
Мне Берлускони звонит вновь:
— Привет, Сильвио.
— Привет.
Поэт, поддержи меня
на выборах, прошу!
Я баб упаковал,
тебе везу.
Будет гарем красавиц.
— Ты знаешь, Сильвио,
желаний нет на взвод девичий.

Смотреть их цацки
я привычный.
Я много видел.
А сейчас люблюсь
лишь природой Божьей.
Тебе я помогу.
Ты брось амбиции,
и баб отдай
моим друзьям:
Мише-издателю,
другим людям.
А там мы двинемся
с тобою в путь.
Ты станешь рисовать картины...
— Жуть!
Я не хочу, поэт, такой судьбы.
— Сильвио!
Ты не дурак,
прости за слово,
но пора спастись в Боге.
Бросай всё,
и ко мне,
пока я добрый
и готов с тобой
возиться...

14.04.2013.

Он креативным был.
Она под креативом тоже.
Гуляли в баре,
познакомились.
Влюбились или нет,
возможно,
но скоро поженились.
Жили креативно
и так остро.
А вскоре разошлись
под креативом
дружно.
Всё тихо и спокойно.
Но это так, снаружи.
Он зол был на неё
за всех мужчин,
которые её как будто-то бы
любили.
Она злилась за деньги,
которые как будто были,
но она их концов
не находила.
Браки их повторно
сотворялись,
где-то дети появлялись.
Но креатив был модным
в черта планом.
Разводы, все разводы
повторяли.
А время шло и шло вперед.
Мои часы стучали чётко,
и отбивали час,
а там и месяц, год.

Я заматерел, сильнее стал,
и встретил, вдруг, её,
и весь восстал...

Креатив и красота.
Моё!

То, что я искал!

Но песня была вся сначала:
посуда грязная мешала,
цветы завядшие в вазонах,
пыль как на ипподроме
заброшенном
лет пять назад,
постель...

Молчу.

До неприличия мне стыдно.

Я перестал её здесь брать.

Сыграл креатив,
и я попал в его тиски.

О гад!

Секс —

на чердак,
или в парадном
в соседнем доме,
под столбом фонарным,
сзади киоска с молоком.

И я сорвался
как с цепи,
и всё бегом, бегом, бегом...

Пока однажды
не попались мы ментам,
креативным пацанам.

Её насиловали ночь,
а я платил,
чтобы себе помочь.

Она счастлива была как никогда.

Мы разошлись.

Прошли года.

Остался в памяти

лишь креатив.

О, сука!

Наверное уж навсегда...

14.04.2013.

О, девочка!
Поэзия — это не только стихи.
Вчера целый день писал,
сегодня — мушки перед глазами.
Лежишь.
Мозги измучены,
и не хотят даже на мир смотреть.
Сердце вяло стучит,
и вспоминает, что есть смерть.
Мышцы пластами,
тело устало,
и нервы рвутся
ржавым металлом.
А силы нет
встать и скрутить
их разрывы.
Хочется лежать.
Не слышать никого и ничего.
Вдруг, чудо —
встают маленькие дети —
моя Мария
и Симон Анатолий
с тремя зубами во весь рот.
Улыбки в них.
И всё, вдруг, идёт в ход —
с подушек строят дом,
из книг — будку
с сапогом
вместо собаки.
Лицо мое становится
светящимся,
глаза оживают
и рука
гладит внукам головы.

Пока
мне стало легче,
и снова льются песни,
которые пишу на вскидку я.
И музыка моя.
Дети засыпают.
А я встаю,
беру тетрадь,
и эти песни пытаюсь
отшлифовать и записать.
Поэзия не только стих...

14.04.2013.

“Референдум — власть народа” —
говорит кучка уродов,
на бордах — чёрта морда.
И ведут народ не к Богу,
а к антихристу.
Природу этих выбросов
людских
нам никак не изменить.
Нужны годы, нужны годы.
Годы катятся,
а рожи остаются в бордах —
это кабинеты чёрта.
Власть и борды.
Народ и морды.
Как порядок навести?
Людей к Богу привести?
И исполнить Его волю —
жизнь в стране станет
свободной,
тихой,
радостной,
счастливой.
Бог правитель.
— Недопустимо! — орут они в кабинах,
кабинетах и машинах. —
Пусть народ будет дебилом!
Школы детские искусств
занимать под пиво!
— Друг, — говорю премьер-министру, —
ты дурак,
или так вышло,
что закрыть талант решили
ваши рыла?
— Я то против, — он сказал.
Вот вам власть и её хам.
А народ глупеет в ступор.

Из года в год
его не учат.
Он спускается в века,
где-то средние,
пока.
А потом и в рабский, царский,
где им выдадут подарки
в виде сапок и лопат.
Линчевать будут опять,
и вернутся вновь бои
гладиаторов.
А львы переедут за границу.
Львы устали.
Шакалиться стали их щенки
от поганства,
вопреки зову природы.
Деградация и в рожах:
мы уже быки, не люди...
Господь один
может это изменить.
Но время гонит
народы вниз,
и они идут довольны
деградацией и волей
на кощунственность страстей,
извращений матерей,
извращений их отцов.
Мода гибели основ,
добродетелей истоков.
Всё сползает,
видит око,
вглубь отстойников и ям
канализаций духа.
Ам и ам!
А всё по боку.
Кто же поведёт нас к Богу?
И успеем ли дойти?

Время ужасов цепи —
добровольно вдели шеи,
мозг отдали рылам.
Что же дальше?

14.04.2013.

Огонь сорвался с лампочки
и улетел в окно.
Может, мне это показалось?
Но стало в комнате темно.
С улицы летел бурлящий воздух
грохотом моторов:
то скрежет тормозов,
а то сигналы хором.
И я достал под полом спрятаны
цитатники вождя.
Громом в голове
летала мысль:
они стоили четыре миллиона долларов,
их раздавали только тем,
кто желал вождю большую жизнь.
Нас проверяли на приборах,
нас изучали квазителетроны,
нам химию вводили до нельзя,
и мы вождю молились как всегда.
Цитатник был рассчитан на чтение
в ночи —
с подсветкой электроника —
на рисунках булки, калачи.
Цветочками украшена
и цепью золотой
фотография вождя
в парке Междунор.
И губы всё шептали слова
и буквы вряд,
маты пропускал я,
их много было.

Гля! А если бы без матов,
то было б ничего,
и страничек мало,
хоть без мозгов
я не всё в них понимал.
И я закрыл свой рот.

15.04.2013.

Циничность оторвавшихся
и в поле загулявшихся,
в поле, которое не раз уже
кровью обливалоь.
Кому воля —
кому яма,
кому конь —
кому канава.
Кому воля —
кому слёзы.
Кому воля —
а кто невольник.
Загуляли, разгулялись
в поле, где трава по пояс,
где табунами кони в воле.
Поле, где крови
как воды в море.
И старшой и его панство
залились в вине,
не пьянство,
а так принято в старшинах —
гулять вволю в поле
сильных.
А кто в ноги под коня,
тому сверху булава.
Может, он хлеб-соль принес?
Не волнует и вопрос,
и причина старшину.
Пей, гулай,
служи старшому.
Он даст волю вволю
дому и семье,
и всей родне
за службу верную.

А мне конь попался
резвый очень,
от старшого в поле сносит,
некогда сказать слова
преданности.
Булава в моих руках,
сабля сбоку,
и кулак
налит кровью
и готов
кровь пролить
чужую вновь.
Лучше б видел всё старшой
со старшинами
мою службу и отвагу,
но конь уносит
меня сразу только видит
их.
Гулять бы мне ещё немало.
Поле в травах и канавах,
в них воды прозрачной
чистой зеркала...
Но во многих кровь.
Вдруг выстрел.
Конь упал мой
с тихим ржаньем.
Я вскочил,
а конь глазами
опустил меня к себе.
Я обнял его и
тру
голову рукой где рана.
Нет, не надо.
Поздно.
Стадо
не дождётся никогда.

Передай: я убегал
от зарвавшихся в полях,
и тебя спасал не раз
от греха
и лишней крови.
Ты — погибший,
и не воин.
Ты — убийца
сырых, босых,
и холуй старшин,
что носят
свое зло с собой везде,
а ты — добрый,
но ко мне,
и любовь твоя в вине:
к полю, крови и войне,
но не с рыцарями брани,
а с простыми —
то бродяги, то крестьяне.
Я умру сейчас...
Мне стыдно,
что вы из нас, коней,
хотели сделать быдло.
Мы на воле!
Мы свободны!
Раб и вольный...
Я лишь конь,
и я свободен,
а ты — не воин...

15.04.2013.

Стремительное
течение чистой быстрой реки
вдруг как-то остановилось,
застыло.
И вода без движения
сначала в тихие ручейки
превратилась.
Они искали пути
в берег,
в низины,
куда возможно.
Но основная вода реки
стояла
и превращалась в болото.
Её нельзя уже было пить,
плавать в ней не случалось.
Река зарастала.
Аир,
камышы
и осока
всё покрывали.
Вдоль берегов
стояли города,
стояли деревни,
причалы.
Лодки гнили, ржавели,
а вода
в зеленом цветении
умирала.
Сети, который год,
валялись в рыбацких сараях —
рыба исчезла,
и только лягушки по
ночам кричали.

Над нею молились,
просили небо.
И не шли дожди,
падал снег,
но как прежде
вода брызгами в лучах
солнца не играла.
Она тёмная, илистая,
всех пугала.
Болото.
И матери просили детей:
не ходите,
не нужно,
там страшно.
Тина затынет,
умрешь.
Река, её так ещё называли,
стала опасной.
Власть обещала помочь,
мэры деньги
каждый год выделяли,
но река болотилась,
и от неё бежали прочь,
остановив на время дыхание.
Однажды мальчик
писал стихи
и ронял на бумагу слёзы.
Он всех просил
расчистить низовье,
может
это поможет.
Но кто сегодня читает
книги,
да ещё стихи
мальчишек,

их то издать
лишь бы вышло,
а читать
смешно и зазорно...
Река превратилась в болото...
Стихи пишет дальше мальчишка...

17.04.2013.

Ошибка политика, правителя
часто —

цена жизни,
поломанной судьбы
простого человека.

Но не одного,
а умноженное
на индекс,
где может быть
нулей немало
после цифры первой
от начала.

— Ого! —

сказал мне знакомый
со спецразведки.

— А мы спокойно
головы рубили
журналистам, писателям,
как той насадке.

— А совесть что же? —
я его спросил.

— Так это ж служба
для страны.

Не понимаешь ты
каких великих сил —
страну держать —
затратить нужно!

И не спать,
а всё блюсти.

Да ради страны
оправдано в нас всё!

Государство — это
мифическое что-то
как конь в пальто,
или обезьяна в гамаке,
слон на кухне.

Да брось ты государство
унижать!
Мне сказал разведчик
шепотом:
— Опять ищешь на свою голову
топор?
Государство — это свято.
Ты понять должен.
Ты же служил ему
в войсках.
— Служил.
Вот хоронили
премьер-министра
бабулю старую,
так миллионов
пятнадцать отошло
на церемонию зарыть,
а бедные умирают
без лекарств, домов,
и это никогда и никому
не болит.
— Так похороны дорогие
ошибка, да?
— Нет. Не ошибка, а фигня.
Для Бога это тело — прах.
Душе после слабоумия
на небе тяжело и так,
и ей нужны молитвы
без конца.
А мозги гонят зло
на репетицию похорон
да деньги ни за что.
И носят гроб туда-сюда,
опаздывают на пять минут...
Какая ерунда!
И хочется кричать:
живи!
Не уходи!

Ещё лет сто,
может, придет
мудрый кто,
научит всех...
— Так государство мифический
болван,
или оно для нас? —
спросил служака.
— Для вас. Как тот чулан,
где ты сидишь
в пыли и темноте.
Ошибка
политика, правителя
несёт ведь часто смерть,
ломает, рвет тело, душу
по живому.
Ты же учился,
полковник, много,
и не понимаешь ты
простых вещей:
политик не имеет права
на ошибку.
Правитель как минер —
ошибаться может раз.
Потом приказ,
и суд народный,
а не ваш, по телефону.
Гордый и стяжательный
судья
ведь тоже государство.
— Да. Ты прав...
Фигня всё тут,
какая же фигня!

18.04.2013.

Шлях, дорога.
Понад лісом,
понад полем.
Сонце
заливає все довкола.
І вітер лагідний,
а то сердитий,
зриває пилюку з дороги
і дихає нею на поле,
а то передумає
й поверне до лісу.
...Спливли роки.
Дорогу вкрили
бетоном та асфальтом.
Дорога
смолою пахне,
коли жарко.
Летить авто.
Ліс стіною...
Поле...
Та все не так...
Авто віддав би
і роки,
аби пройти
босоніж
по тім курнім шляху
мого дитинства...

18.04.2013.

Весна в веснянках
весняних
летить до мене.
Мить —
і дух весняний,
аж щемить
і відчуває серце мить
пробудження весною.
Цвіт і квіт,
перший обліт
птахів,
що повернулися здалеку.
Сміюсь, сміюсь,
радію,
вірю я весні,
яка вже не втече
від мене.
Яскравим сонцем
вмитий всенький світ,
і ті химери,
що жили в нас
стільки літ
кудись ідуть у позасвіт
з очей,
з думок,
з сердець.
Нас обікрадено
любов'ю,
з нас стільки років
роблять зброю,
яка стріляє в нас
самих.

Політневроз і шиз
ми повертаємо тим,
хто придумав
цей нечистий ряд
давно,
може, сто літ тому.
Сміюсь, радію
весні і людям,
втішаюсь,
що нікуди не треба поспішати,
зливаючи роки у мить,
та серце, серце
все щемить...

18.04.2013.

В церкви сдачи не дают,
не делят на части —
это тебе, а это нам.
Свои грехи и покаянья
ты можешь оставить там
с корнями,
и выйти чистым и омытым.
Церковь возьмет всё на себя,
себе
и тихо, никому ничего не говоря.
Всё зависит от тебя.
И мысли беспокоят так,
как в ускорителе частиц
их скорость.
Как?
Я не смогу больше врать.
Я не смогу больше воровать.
Я не смогу больше гулять
с красотками,
да и не только.
И мысли не согласны
с этим.
Сколько есть времени
на грех и жизнь в свободе
действий?
Церковь не скажет.
Да ты не беспокойся.
Церковь молится, волнуется
за каждого, и за тебя.
Но путь на небо —
здесь каждый за себя.
Никто не сможет
никогда помочь,
если ты сам не хочешь.
И всё так просто:
Бога возлюби
и ближнего,

и Заповеди святыя сохрани,
по ним живи.
Вот здесь и нестыковка
мирских усад и слова Бога.
Здесь всё противоположность,
по-другому.
По-мирскому хорошо,
так хорошо,
но, вдруг, какой-то сбой,
и на день, на два,
ты снова к Богу
как родителей проводить
престарелых,
поплакаться, а потом
и похвалиться:
вот я как умею!
Я так умён и образован!
Я избран обществом,
и даже Богом.
Хороший, тёплый день
и тёплый ветер
ласкает волосы, лицо,
и солнце светит, светит,
как будто праздник на войне,
которая идет по миру
уже сильнее вдвойне, тройне.
За каждый штык
антихрист платит щедро.
А Бог молчит,
но продолжает свое
святое действо...

19.04.2013.

Круг за кругом.
Круги ложатся
друг на друга,
где поглощая один другого,
где оставаясь молча
нагромождением кругов
моих дорог, моих углов,
в которых я
возвращаюсь
каждый раз назад.
Земная жизнь —
мой мир, мой сад.
Путь вперёд
всегда как путь назад
рисуя круг
материализуется
в мои дороги
как в память,
где они светлы,
а где — углы,
темнеющие от пустоты
пути
и безысходности мечты
невесть откуда
заразившей мозги.
И путь тот ад
сплошной и угол,
гад
ползущий снова.
Но круг за кругом,
отмечая опыт,
приходит мудрость.
А, может быть, я гордый,
и это опыт,
который принимаю
я за мудрость.
Достоин мудрости?

А угол,
в который заходил не раз?
Мудрость не каждому,
и не на раз.
Мудрость как дух святой
дается навсегда.
И навсегда после угла
уходит и теряется она.
Круг двигает
не только меня.
Круг — каждого движение
под солнцем.
Ничто не ново,
и ничто не старо.
Лишь древний мир
становится усталым,
и мудростью
меняет лето в осень, зиму,
чтоб отдохнуть
от нас
строптивых.
Зима вправляет нам
умы,
мы чаще молимся,
взирая из окна
на жизнь,
где холод, снег, мороз.
И мир отдохнувший
возвращает грёзы вновь
солнечной весной.
И новый круг,
и трепет от листка,
от первого цветка...
Дрожащим сердцем
поглощаем мудрость
как воду из источника
от нашего Небесного Отца.

20.04.2013.

В Гуті серед ночі
в резиденції псів гончих
зібрались таємно
лідери колонії —
старі пеньки чотири штуки
в кімнаті без вікон і дверей.
Але все має вуха,
і очей по світі — ой-йой-йой!
Вели вони розмову про народ,
який їм віддали
вести.

— *Вперёд, вперёд
весь этот сброд!* —
сказав один пенёк.
— *Его бы гнать ещё
с вохрой,*
он изленился подо мной.

— *Так, под вами он
значительно упал.
Упали деньги,
реальные доходы.
И финал —
все говорят о революции
везде, —*

сказав другий пенёк.
— *Мне шо, вохры не хватит?
Да у меня ментов
как яблоч
в саду осеннем.*

— Так, так, так!
Але ваш сад
давно скорчований
і факт:
всю землю роздали
крестьянам.
— Не “крестьянам”,
а християнам.

Бо всі наші запроданці
та зрадники вже
не селяни,
вони міські, міщани,
але то правда — християни.
Їх гоне наш пеньок черговий
до церкви.
Вони стоять там
як етажерки.
Колись я храмів поламав
немало.
Та, видно,
в ЦК команди
віддавав я даром —
ви їх набудували
скрізь, де можна, —
сказав пеньок номер один.
— *Не сложно, если деньги есть
да лес растёт везде —
руби и строй.
Выгода вдвойне.
Табличку можно
написать кто строил,
а это почёт,
считай, как грамота
когда-то от царя, —
продолжил речь
пенёк, который
нынче голова.*
— А я вже, знаєте,
народ цей не люблю.
У мене жінка
даже не отцюдва,
і діти мову вчать
колись, може, свою.
Народ цей
незлюбив мене,
а я спаситель був йому, —

пробубнів ніяково
пеньок, що номер три.
І тут на нього зиркнув
тато, номер два,
і той замовк.
— *Ты помолчал бы о народе.*
Связался с Юлькой,
сукин сын,
меня встревожил
и всех моих:
вон лечатся и Чмуркис,
и Косолапчук —
у них генитальный
тик.
Дергается всё
и день, и ночь,
ни жить, ни спать,
и мимо туалета
прочь от тика
разлетается.
А ты, герой
той осени...
— Прости, тату,
прости.
Не відав я...
Я думав, що це ти
все це підняв,
я тільки й того,
що на сцені постояв... —
І пеньок почервонів,
ікати став.
А в лісі чорному,
в горах,
вітер шумів,
і місяць наче вкляк
від тих таємних
зустрічей пеньків.

— Оце країну зрадили! —
сказав охронець, який
біля вікна сидів.
А в небі супутники кружляють
российский, европейский,
США,
и всё записывают тайно,
потом шифруют.
У них крышу сносит
от этих возлияний
и поливаний.
И Вова Путин
держит ухо.
Обама тоже.
— *Вот нам пруха!*
Такие пни сидят во главе,
а народ-то еще ниже,
если им правят пни
уж столько лет,
и в колонию
страну превратили.
— Давайте, підсумки підіб'ємо,
і за тин —
підвівся тут
пеньок номер один. —
Там новий ресторан
відкрили,
а це так апетит нагонить,
немов совєцька влада
далі йде
для нас.
Я вже до всього хорошого
так звик...

20.04.2013.

Дитина.

Мати.

Страх втрати.

Дитина.

Мати.

Страх розлуки.

Дитина.

Мати.

Смерть.

Страшний розрив.

Спаси нас, Боже,

від цих розлук

на смерть...

20.04.2013.

В глубинах ночи
я в полусне
шепчу жене слова любви
и глажу волосы
ее, или свои,
и тихим вздохом
с раздвинутого сна
она благодарит меня,
её рука...
Вдруг входит человек.
Включает свет.
В кожаной куртке,
бригоголовый.
Комиссар,
или смотрящий,
он сам нам так сказал.
Жена скользнула
в глубину постели.
Я вскочил, жив еле-еле
от гостя средь ночи.
А он достал указ
высочайшего лица,
и потребовал сдать
все телевизионные пульты.
Я сдал.
Пообещал верность
сохранить верху,
а что мне делать
среди ночи?
Я молчу.
А он исчез.
И вдруг включился
телевизор,
погас в комнате свет.
Жена, вынырнув обратно,
и уже русским
трехэтажным матом

проехала по мне
и званию профессора,
которое я получил
недавно.
Фе!
Телевизор показывал
эотику и порно
без конца,
а дальше выступление верха.
Он говорил о демократии
в стране,
о модернизации,
инвестициях
и ВВП.
Потом взошел премьер
и нес такое,
от чего хотелось
мне в карьер.
А телевизор
выключить нельзя.
Кнопки, которые на нём
заклеены клеем,
и ни туда, и ни сюда;
шнуры сети и кабель
никак не разорвать.
И меня пробил
вдруг страх.
Жена кричала, обзывала,
а я медленно сходил
с ума.
Ночь уходила, догорала,
взрывая дня рассвет,
а телевизор
говорил слова
даже те, что в прошлом.
И, вдруг, идея.
Я закрыл его одеялом
и постелью,

сверху два ковра
и кресло —
а он орал оттуда
как сумасшедший.
И что мне делать,
как мне быть?
Четыре телевизора
в квартире,
и все на каналах разных
продолжают мигать
картинками и говорить.
Мы спрятались в ванной
надёжно.
Я на любовь неспособный,
а жена целовалась
в воде без конца.
А мозг напряжённый
работал —
это учения?
Может, новые выборы?
Или это уже до конца?..

20.04.2013.

Без принуждения
мы все исполняли
высочайший указ.
Снесли ключи в ЖЭКи
от квартир, домов, гаражей и дач,
чтоб служивый люд
мог в любое время
без помех в помещение попасть,
проверить счетчики света, газа.
Туалет
я мыл в тот кошмарный день,
а тут мент завалил,
нетрезвый,
в дупель.
— Что ты трёшь до цемента
плитку, дурак!
Следы преступления прячешь?!
— Да так...
Я старательный, и мою хорошо всегда...
— Руки за спину
и сюда!
Вызвал группу,
и пошли дом шерстить,
и вменять мне стихи
всех поэтов-борцов
сто лет назад.
Я подписывал это,
и рад.
А тут, вдруг, старичок:
— Мы окурок нашли!
Следы от помады
женской на нём!
— Жена моя курит,
и мой это дом...

— Да здесь убийство,
видать.
Есть окурок,
а хозяйка его?
Твою, сука, мать! —
прокричал мне в лицо. —
Где дел труп,
документы, пальто?!
Вдруг жена на порог.
— Вот она...
— Да подстава! —
мент орал. —
Те хана!
Но я скинул две тыщи
“тринов”,
откупился пока...
А тут вновь.
Через неделю пропали
все дорогие трусы у жены,
у меня все штаны,
потом шуба и шарф
мой куда-то...
На нем нашли висевшего
олигарха.
Дальше больше
уходило вещей.
Мы с женой разводились
от щей,
(это всё на что денег хватало
пока),
а дверь входная стучала
днём и ночью,
и входящие
шипели коварным смешком:
— Ха-ха...

20.04.2013.

Пусть ветер свистит
и воет в трамвае,
пусть окна побиты
и чёрные тучи
в салон залетают
и холодным дождём
нас обливают.

Пусть рельсы лежат
на боку и без шпал —
не отдадим мы трамвай
за тур на Канары
какому-то хрену
со звездой генерала.
Таких генералов
когда-то Кутузову,
давно вместо русского
звучал бы французский,
парфюмы, одежда
и “ситроены”,
мы б, может, гордились
страною,
наверное.

Но я отвлекся
от нашей борьбы.
Трамвай — это последнее,
что осталось в страны.
Все ушло без молотка,
тихо и скрытно пока.
Трамвай мы усилим,
железом машин,
которых для плебса
наставили “ксивы”
на всех тротуарах
и подворотнях,
чтоб
полировали и мыли,
баранку крутили,

и чтобы высокую задницу
перевозили.
“Мерсы”, “ниссаны”, “лексусы” —
их море,
мы с них поснимаем железо,
и вскоре
трамвай станет танком
везде проходимым
в пятнадцать моторов
и десятком шин,
и этим трамваем
положи начало
освобождения
от залежалых
и засидевшихся,
и задержавленных
службой на благо
себя,
таких нутром
обезображенных...

21.04.2013.

Жена варила борщ,
и, вдруг, пронзительный звонок
из газовой плиты.

— Кто ты? —

она спросила с перепугу.

— Я прокурор верхов,
и трубку дай, косая,
срочно мужу!

Я подошёл к плите,
перебирая ступнями
от страха,
и не понимая.

А голос всё кричал
на матерном, на русском.

— Слушаю,.. —

сказал

и задрожали ушки
в кастрюле, где кипел
борщ мой,
но не русский.

— Выключи плиту,
и ухом на горелку,
но не ту, где борщ,
а рядом, где
тарелка.

Я так и поступил.

И голос попросил
о разговоре важном
помолчать.

— Мы тебя вызываем
с нами вместе хаять
преступность, что гуляет
по нашей стороне.
Погоны обещаем,
деньги
и власть в славе,

чтоб рот свой ты закрыл
и послужил державе.
— А я и так служу:
пишу, пишу, пишу,
и это не легко...
— Это фигня, ничто!
А мы — фундамент силы
с ментами
и судами,
и держим мы державу,
и все дрожат от страха.
Думать не дано.
Ночью — встреча тайно.
Сдашь свою братву —
и деньги сразу.
Налом.
И тут меня прорвало.
Я говорил стихами
в горелку
и духовку
всё, что накопело,
не на борще,
а в сердце и душе.
Прокурор молчал.
Слушал и шептал:
— Убью, зарежу гада!
И на прощанье
я сказал:
— Пошел бы ты, зараза!

21.09.2013.

Головы отрезают людям
на постсоветском пространстве
как в Османской империи
в века средние,
где жизнь человеческая
была чуть дешевле.
И здесь уже более лет двести
жизнь обесценили
на медяки,
и головы падают вниз
так влихую.
Бандиты с ментами
и прокуратурою,
где закон дышлом стал
как у телеги крестьянской:
как повернул, так
и двинул
кого в макушку.
Обычно, простого
трудягу,
укравшего
долларов пять
картошкой и Шариком —
чьей-то собакой,
чтоб снести на базар.
А проходимцы
все у нас как
каста держащая
силой Османов
люди обессиленный
на полном обмане.
Но те же Османы,
воины жестокие
без страха в крови,
только Бог ихний.

А наши трусливые
и недалекие —
каста трусов
в званиях громких.
А головы падают
и исчезают.
Их не находят,
хотя вроде желают.
Но именно: вроде.
Не более-менее.
Головы падают
как дрова поленьями.

21.04.2013.

Великая Россия —
континент почти.
Велика Россия
километрами пути.
Велика Россия
территорией
разделённой бишь
бандосворою,
разделённой на зон много
между жизни
хозяевами и самого бога,
который страшный у них,
с преисподней.
И цветёт бандитизм
от Кремля и до уборной придорожной.
Шик и роскошь русская,
нищета и бесправие —
с царя ушлого
затянуть народ
в ярмо трудное —
то орда татар,
то своя, русская.
И кровит материк
кровью бурою.
Что ни день — так
стрель,
стрелка,
стрельбище.
Что ни день — так
дев
тянут в лежбище
и растленнище
детей Божиих
на потребище.

А берёзы белые,
да кора в пятнах чёрных —
то судьба людей
замордованных.
И несут водой реки бурные,
и плывут по ним
слёзы измученных.
А могил, могил!
Как войною жил
весь народ,
что пошел в распил
плана дерзкого
и продажного.
Правят бал в стране
суки важные.
А по лондонам
да парижам,
каннам,
ниццам
куролешат олигархи —
из России, бишь,
капитал бежит, —
и хоромов там
как грибов в лесах.
Кровью хлещет
вино красное,
и коньяк тхнёт
трупной сладостью,
и растёт в табло
рейтинг миленьких
с душеньками упырей:
миллиардерrrrrr...
А в России стон
и кровь реками,
в небо плачет мир
с причитанием.

А березы белые,
пятна черные
как судьба людей
замордованных.
Дух ушёл с Руси
от сатанизации...
сплошной деградации...
И пришел зонаж
территории...
И хозяин жизни
горем им...

22.04.2013.

Я вновь читаю стихи,
в которых
юность и дороги мои,
в которых чистота
светлых глаз
смотрящих на мир
и нас.
Как много таких
в радости жизни!
И тих
разговор о любви,
о силе страны...
Я повторяю стихи,
где юность и дороги мои,
где мама так молода
и Бога молит
всегда за меня.
Но у Бога есть свой мотив,
и дороги его непросты —
я по ним шел и любил...
И стихи льются песней
о них:
любимая — и природа в ночи,
любимая — и день летний бежит...
Всё было будто вчера.
Я пил жизнь,
а жизнь пила меня,
мы были в глубокой любви,
которую сохранили,
и ты, моя золотая судьба,
в лучах солнца
сияла всегда.
Я вновь повторяю стихи,
в которых
юность и дороги мои.

Но кто знал
время тогда,
а оно — коварно всегда:
его скорость близка к нулю,
оно мчится
на самом краю,
и я падал там не раз,
вставал,
шел, бежал...
А время не щадит никого,
время со скоростью ноль.
Но это лишь кажется — вновь.
А я снова читаю стихи...

23.04.2013.

На длинном отрезке
событий эрзацбытия
сплошная ложь и фигня,
немного штрихов
надежды на истину,
редкие пятна,
где царствует свет.
Фармакология из седых глубин
ушла здесь под мафию —
не лечить, а губить
подделками совести
кровавых ножей,
где ножны не моются,
все равно скоро нож
выпьет новых кровей.
А нам всё по флагу,
от винта, и в конец
отрезанной жизни —
короткий наш век.
А мафия пьёт и съедает
с нас плоть
для роскоши нелюдей —
нам лишь погост.
Медицина из древности
дотянулась до нас
вымогательством денежным,
и воровской у них знак.
Мало счастливых
в правде, любви,
одни негативы плёнок судьбы.
А если печатать на фото их всех
увидишь ад там
и кромешную спесь.
Поэтому смотрим на негатив,
на нём правду не видно,
лишь пятна в блезир.

Образование
мы сделали бизнесом,
продавая билет
студенту на курс,
а затем и диплом.
Диссертации
мало кто пишет
сам.
А потом это не нужно,
всё равно всё в деньгах —
и должность получишь
бандюку забашляв.
А сила державы —
её, вишь, штыки —
стали шакалы:
прокуроры, менты и суды.
Всё здесь на силе
неправды и зла,
и деньги потоком
до самоверхнего горла
с низких низов.
И стреляют, бахвалятся
от орды копыт
коней умерших
в веке, когда расцвела
здесь орда.
И копыта, и сбруя,
и седло, и ножи
вырыты шоблами
из татарских могил.
Это — щит у державы,
остальное —
в коврах,
занавесках на окнах,
унитазах, и так.
Штрих отрезки надежды,
Божий сон и рассвет,

и встаешь ты как прежде,
но тебя уже нет.
Не ответ.
Позабывтый.
Потерянный дом.
Потеряны люди.
И крики: “Убьём!”
Это рыскают ордынцы
на моторах с Европы,
и давят оставшихся
железом машин.
А сами от страха,
вливаясь в дурман,
напиваясь и плача,
разбивают стакан
о головы низших,
подающих к столу,
и нечистые свищут
по опавшем нутру.

23.04.2013.

Шел я полем,
потом лесом.
Вышел снова в поле,
слышу — песни.
Глушь такая, где не глянь.
Окна в деревнях забиты,
крыш упавших рвань,
и кладбища заросшие
как в джунглях.
А тут поют:
“Смело товарищи в ногу”,
“Интернационал”,
и славят бога — лидера их всех.
Смотрю: огромный,
двадцатилетний, стог соломы
с последнего урожая пшеницы,
которую собрали те,
что навек ушли из дома.
Сверху чёрный ворон.
В стогу пещера,
и наши коммунисты
чистят патроны,
и делят их на всех.
Кто ближе к их вождю,
тот получает меньше.
А почему?
Опасно ведь, наверно.
И говорит их вождь:
— Наш съезд здесь тайный,
и тайный будет дальше.
В союз Европы мы идём,
и будет там подполье —
бороться
за рабочий класс,
крестьянство ихнее,
и то, что здесь, у нас:
свободу женщинам
и равные права.

Терриконы дали деньги,
мы все вогнали
в банки ихние, пока.
Идём! И многие
из нас погибнут
в борьбе за правые,
тьху!, за левые дела.

28.04.2013.

Скоро мы войдём
в союз Европы,
без азиатчины, как вроде.
А где нам деть её?
Отдать соседу на восток?
Так там своей — ого!
Поэтому её потащим
в чемоданах тайных, классных,
в рюкзаках,
котомках,
в карманах,
и не только, а
и в самых штанах.
— Вах-вах! —
сказал бы нам грузин.
Но он в Европу
идёт один,
а нам без азиатчины
никак.
Вот и тащим
всё туда:
избирательное правосудие —
да-да!
Коррупцию.
Бандитов.
Поддельные лекарства.
Лихо!
Да и спиртное —
всё подделка.
Продажных женщин.
Немного воинов.
Ну и свои, особые, менты
и прокуроры —
там, старухе той Европе,
всем кранты! —

и, в первую очередь,
служить им в Лондоне:
русских в нём
с деньгами тыренными...
Туда! Туда!
Все. И скопом.
Я пойду лишь с книжками,
и то, так, скромно, боком.
А весь Союз писателей
ворвётся,
на разных языках заговорит
как в башне Вавилонской.
И книжки, книжки
о любви, о страсти!
— Куме, ти куди?
Та в Європу...
Там дівки, що ти!
Там все в варенні.
— А жінка, діти?
— До холери!
Хай тут живуть,
у Міждуноррі,
там новий центр
для тих, хто не підійшов Європі.
І років так за десять
ми буфером сусіду
зі світання
зробим клешні,
а газ його і війни,
що торгові,
він перекине,
як буде сильний і здоровий,
на Кавказ.
— Сейчас!
Вах-вах!
Не сдамся русскому штыку,
и танку подожгу свою,
чтобы боялся русский нас.
Вах-вах!

*І шкода трохи ту Європу.
А що поробиш?
Їй треба щоби хтось
підлогу мив
і підтирав старечу дупу.
...Скоро, скоро мы пойдём,
и Юльку с зоной повезём,
в вагон загрузим и больницу,
и будет Юлька там лечиться.
Мы все счастливы,
нам некуда больше стремиться.*

28.04.2013.

Я всё сделаю!
Я ничего не сделаю.
А, может, нужно?
Нет, не надо.
Я всем всё обещаю,
но ничего не исполняю.
Идут по лужам земснаряды,
песок на новые участки
намыывают.
Все реки обсосали.
Песка в них нет,
остались лишь кораллы,
да и не здесь,
а там, где наши
земснаряды ещё не побывали.
Мы самые сильные в мире!
Не верите?
Возьмите наши кадры,
хоть одну эскадрилью начальников,
и ваша страна падёт
как пал я
вчера вышедши из бара.
— Свинья! —
мне женщина
так и сказала,
но душа её чисто славянская —
вернулась,
нагрузила мною себя
и домой потащила.
— Ой, пьяница... —
говорила мне ласково,
моя под душем,
говорила целуя и уши.

Так и остался
на день,
потом — три,
потом...
Вернулся муж её из зоны.
И снова я лежу в газоне
травы некошеной годами,
а сверху — пчёлы.
Бабы пьяны.
Выбрал, потащил домой,
получше.
Помыл, почистил,
и...
День прошёл.
Второй прошёл.
На третий муж её нашел.
И снова я летел,
на этот раз в кусты.
А там...
Ух ты!
Запчасти от родного земснаряда.
Вот это то, что надо!
И я собрался,
перешёл границу,
всадил его на Эльбе,
а там — водица,
и песок — горой.
Оттуда — в Сену.
Местные зелёные кричали:
— Вон, злодей!
Я сворачивал все на лидеров
их стран,
мол, мою им Заспу конечную
как нам.

А тут проснулся.
Сушь да гадь.
Такая мерзость!
Вот, ты глядь
на водку нашу:
страну любую
хайдокая возьмёт и укачает.
Наше впереди всё!
А сзади муки чьи-то,
и бабы,
тянущие мужика.
— Молчи, ты!

29.04.2013.

За речкой лес дубовый.
Дубы — сто лет.
Он потерян лесниками,
иначе б срезали,
продали,
а так лес устоял.
И я в него попал.
Нам здесь дали огород,
на двоих.
Народный депутат помог:
в ночь брачную
я поделился с ним женой, —
а огород, чтоб мы пропали
из глаз долой.
И пахали.
И не пропали
как, порой,
у нас от голода
отходят в никуда.
А огород зарос
лопухами,
чернобылем,
полынью,
чередой,
а мы любимся в дубраве
как вначале.
А вот и снег первый упал
на спину,
мою конечно же.
Я стряхнул его
и бодро встал.
Жена ещё ленилась,
но мороз достал —
вскочила тоже,
вся красная.

А снег летел и падал,
сегодня как вчера,
и начал я рубить дубы,
на новый дом
для себя и для жены.
А тут, вдруг, лесники.
Не наши,
а польские паны.
Оказывается, лес не наш —
наша земля закончилась
до речки.
...Сейчас мы
отбываем срок
за лес порубленный
и за урок,
который преподала жизнь.
А по ночам мне снится
лес, огород и лопухи...

29.04.2013.

Если ты имеешь что-то,
может, дом, земля
в элитрайоне,
или квартира в престижном доме,
и властимущему попал на глаза —
ему иметь это в охоту
для себя,
а тебе терять — не в радость.
Рейдеры придут, ребята,
так по ихнему зовут
бандюков, которых
пруд прудить,
и всех не сложишь
вместо дамбы,
даже сможешь
по дорогам закрывать ямы,
а излишки всё же будут —
вот их сколько!
Я отвлёкся от желаний
тех богатых,
кто из званий,
но без знаний
основных законов света.
И живут. И без ответа.
Так вот: ты, собственник,
пропал.
Тебя бросят в самосвал
и свезут в отвал.
Такая жизнь у нас, советов, —
забрать себе всё, что престижное.
У них и Божья Матерь
не та, что родила Христа,
а та, из железа, на Днестре,
с мечом, щитом.
Прости Ты мне
мои слова, мой Бог!

В страстной неделе
мысли всё борются здесь за успех
правды, совести,
а их как не было, так и нет.
Ты измучился, страдалец,
и решил в село ударить,
в глушь далёкую,
исчезнуть,
раствориться там бесследно.
Чудак ты человек!
Там найдёт сельсовет,
там найдут налоги,
и квитанций
пруд проплат.
Там найдут воры,
и гвозди вытащат
из тех дощат,
из которых ты дом
склепал.
Здесь не жить,
а здесь пропал.
Можешь даже за Урал —
там Китай, тайга.
Но то — другая жизнь,
и нам не светит
всем туда.
А ведь можно и здесь
прожить —
нужно банду сколотить,
и оружие купить,
и стрелять, строчить
и пить
кровь живую богача,

потом и нищего, бича,
в раж вошедши
навсегда,
как эта власть
за двадцать лет,
и вся её орда...

30.04.2013.

У нас уже украли праздник —
потянули солидарность
те, с партбилетами красными.
Кто их просил?

Кто позволил?

А они гуляют вволю,
носят Ленину цветы.

Он здесь бог их.

А где, рабочий, ты?

А рабочих мало стало —
предприятия пропали,
серп и молот отобрали,
переплавили, продали,
и шныряют по стране
банды рож перепродажных:
— Гони бабло!

А коммунисты с флагами —
праздник, видишь, у них!

20.04.2013.

Колеса роскошного автомобиля
мчат по шоссе.

Я сроднился
с ним всем своим естеством —
дом на колёсах,
в коже, хроме, цинке,
дорогое дерево.
Рядом новая подружка.

Мы счастливы.
Номер отеля
кичится богатством.

Ужин на двоих,
с шампанским.

На прикроватной тумбочке
лежит забытый кем-то
томик Библии.

Ночь любви...
У неё такие линии!
Новая любовь
и новая женщина,
мне б её не потерять...
— А ты на мне женишься?

Вопрос
застал врасплох.

Я ведь женат.
И дети. Да и внуки вот-вот.

Лайнер взлетает,
вжимая меня в кресло.

Рядом красавица,
неизвестная мне чья-то невеста.

Но чем черт не шутит?

Слово за другим,
и вот нам весело —
мы всё победим.

Новые страны,
отели
и пляжи
я с нею меняю
чаще, чем надо.
Но что-то в душе
неприятно и грустно.
Она мне надоела,
хоть такая искусная,
день за днём
всё интереснее.
Я улетаю,
оставив её
с её песнями.
И снова дорога,
и снова путь,
много работы.
Мне б отдохнуть.
Но всё — отели
и рестораны,
встречи, контракты, рекламы.
Я стал богаче
на много и много,
удача одна за другою.
Дорогие одежды
и аксессуары,
театры, концертные залы.
И снова меня пробивает
чувство.
Молодость женщины
и увлечение искусством.
Так много общего.
Так интересно.
Прекрасное время
и новые песни.
Новый отель с видом на горы.

На журнальном столике
Библия снова.
Листаю страницы,
а мысли витают
об этой женщине.
Как жизнь увлекает!
Ночь, утро.
Ночь, утро, вечер.
И снова оскомины
от этой встречи
похожа на прежние.
И телефон, телефон!
Звонят партнеры,
дети,
и он,
кому я обязан
по жизни всегда —
президент страны,
ушедший в отставку.
Когда?
Как много времени,
и как всё быстро...
Я был у него министром.
Мчится авто, стирая шины,
комфорт,
невидимый доселе,
автомобиля.
Она положила руку
мне на бедро.
Пальцы играют музыку,
все ближе...
Закрываю шторку
от водителя.
Автомобиль летит,
и я постанываю тихо.
Она, двигаясь, тоже стонет.

Я еду в счастье истомы,
удаляясь всё дальше
от дома.
Дорога...
Дороги...
Они уносят меня.
как далеко я уехал
от Бога...
Отошел.
Оторвался.
Отстал.
...Оргазм одновременный.
Но кайф не тот.
Я устал.
как я устал!
А Бог всё дальше.
Понимаю,
как быстро я от Него
убегал...

02.05.2013.

Стоны, стоны
над переправой —
здесь людей отправляют
в завтра светлые пути.
Днём и ночью,
в выходные,
в праздники
идет грузило
массе уставших
в ожиданиях.
А дорога и путь
дальний —
их не знают капитаны,
их не знают
и команды
кораблей, что отлетают,
кораблей, что отплывают
и отходят пешим строем
под командой,
под конвоем.
Днём и ночью,
в выходные,
в праздники
и дни сплошные —
переправа и отправка
лет уж двести.
Комсостава
поменяли поколений...
Какой труд
и сколько денег
обучить и отобрать
их на переправу!

Глядь,
знакомые картинки:
царь, царица,
и ботинки батюшки-вождя
простые —
Ленина,
с музея.
Бзик,
что ли, в голове?
Нам? Ботинки?
Им сто лет!
Тапочки и белье Крупской —
всё упаковано.
Бдят командиры,
хранят экспонаты.
— Ах ты зверь! —
орёт конвойный.
— Ты зачем
спёр рукомойник
из музея сталинизма?!
Там всё спёрли
суки изма,
что пришёл на смену
нам.
Капитал!
Он врагом
здесь стал.
Все мусолят о Советах,
о совке,
и так об этом
жалобно,
и слюни, слюни —
там был путь
уже к полудню,
вроде бы, к концу...
Здесь — сначала.

Подлецу захотелось
командирить,
и с ним курвы
соединились —
в новый путь,
на переправу.
Берег где тот?
Все устали,
и оставив все печали
переправ, дорог и далей,
по канавам спят годами.
Вперемешку из живыми,
их погрузят всех.
Командиры-человеки
вертолётами летают,
подгоняют, угрожают
быдлоте команд
зажратых,
что лежит неделю в хате,
а потом — на переправу:
чуть стянули фуража и крама,
а потом
опять по хатам...
Хамы!
Так подводят командиров!
Я готов порвать их всех,
но статья по террору:
схватят прямо
в переправе,
в другой конец отправят.
Вот и терпишь
неуклюжих,
неспособных
грузить.
Ужас!..

03.05.2013.

Необъезженный конь.
Сколько забот этой весной
принёс мне он!
Желание выбросить седока
из седла,
резкие выпады молодого коня,
и постоянно приходится
тянуть поводья к себе,
на себя.
Уздечка до крови ему
десна стирает,
сколоты зубы,
но коня усмиряю.
И вот он сдается
на милость меня,
послушный и добрый
несёт седока
под новым седлом
и на новых подковах.
Отмытый, отчесанный,
тонкой породы,
и только изредка взгляд
его на меня,
дрожанье ноздрей —
выдает он себя:
не сдался, а терпит,
мечтает о воле.
Мы чем-то похожи.
Но он всего лишь животное
без закона под Богом,
а я, норовистый,
ищу лишь свободу.
В поисках денег
не всегда скромн.
Обманутых женщин,
оставленных в мире,
тоже имею.

Скрижали Моисея,
припавшие пылью...
Я горделиво сам пробиваюсь,
до боли в душе,
где уже не забываюсь.
И снятся мне сны —
грехов громажденье,
я снова несусь
куда-то всё время.
Бывает, устану,
и слово даю:
всё только с Богом,
для Него я живу.
А время проходит,
и зубы трещат,
и десны в крови.
Это меня тормозят.
А я рвусь на волю,
законы поправ.
Скрижали забыты,
и жизнь как удав
глотает меня
на новые муки
под видом
любовных заходов
и веселья от скуки.
Кто человек?
Так нестабилен.
И взгляд из подо лба,
и ноздри дрожат,
и снова кнут жёстко
ложится на сердце,
а ноги ведут
вновь туда,
где опять любовные поиски
и счастье
как сделка.

04.05.2013.

Легенди та міфи
жорстокі, брехливі.
Легенди та міфи —
духовні надії.
Їх карбували
святі та злочинці.
Все в світі змішалось,
і реакційні
стали тлумачити
ділки нам все відразу:
комуністи вже з Богом,
повірили.
Якби ж все сприймали
люди лиш серцем,
то зрозуміли б
міф цей зацерковний
підступний та хитрий —
антихриста підказка,
щоб в ролях крутились.
А люди сприймають
на віру брехню.
А віру святу
товкмачать під плуг,
яким ореться царство
владики земного,
щоб знову посіяти
замість зерна полову,
а потім виводити рабів
у поля збирати зерно.
— Ха-ха! Га-га! —
сміються з женців
ті, хто взяв їх до праці.
А раби жнуть та жнуть,
і вірять в абстракцію,
наприклад, що в центрі
культури “Пенчук”,
де виставляють гідоти,

мистецтво дійшло
до висот із висот.
А ті, що зробили з гидоти
гидоту,
а ті, що поставили це
на дивоту:
“Ха-ха!” та “Ги-ги!” —
з дурнів злиденних.
І знову гуляє по світу
свіжий-свіжесенький
міф про любов
павуків ненажерних.
І плаває зілля
чорне, погниле,
в озері вонючому
у надвечір’я,
і знову легенда
про диво-красу.
А віра є віра,
та ще якщо піддаси
слів зав’язаних
шкарубними пальцями
в серветку чи шматку
вишиту гарно —
і вірять, і вірять.
Для чого ділити,
щоб відокремити
зло і дурниці
від святості таєн
і в них заглибитись,
почути, відчути
цей світ, відбілити.
Але все заплутано,
шнурками пов’язано,
і віра сьогодні
нескладно підмазана.

04.05.2013.

Неділя. Смукот,
мов той дощ,
що мжичкою
все знову, знову,
і небо зятягнуте і сіре,
земля в калюжах,
а ночами іній.
Топить смукот.
Куди подітися від нього?
Ридають діти уночі,
відкрите небо їм,
і бачать там катів,
скорботу бачать на весь світ.
Душа болить.
Стою сьогодні в храмі.
Ніч глибока.
Віск на свічці тоне,
гарячий, обпікає руку,
та я не відчуваю болю,
лиш розлука з Богом,
раною, в душі,
і серце крають-розпинають
кати Христа.
А на світанні
скаже ієрей:
— Христос воскрес!
Воістину воскрес! —
і радість осіає всіх.
Наш Бог Воскрес!
Христос для нас,
а ми для Нього.
Всією церквою
як брату брат.
Ми навіки втратили
любов
і повернули знов.

— Христос воскрес! —
і радість на душі.

— Христос воскрес! —
люби, люби, люби!

Це все для нас
на цій Землі.

Христос воскрес!

05.05.2013.

Війна, війна.
Все в ній змішалось —
дати,
імена.
Живі і мертві
ще до війни:
і Тухачевський, Блюхер,
і повні бараки в концтаборах
Радянського Союзу,
і там, в Дойчланд.
Жуков і Клейст,
Ватутін і Паулюс,
Гудеріан і Рокосовський,
Сталін і Гітлер,
Молотов і Рібентроп,
Борман і Хрущов,
Берія і Гебельс,
я і він,
він і вона,
батько і син,
мати...
Війна...
Дати і імена
братських могил
і безіменних ям та горбів.
Дим та вогонь.
Бомби та сніг.
Міни та лід.
Танки та їх слід
у душах солдат
двох країн
і світу цілого за ним.
Мертвим та живим,
героям та зрадникам...
На війні
теж бувають свята.

Грають оркестри,
і канонада
тут, недалеко:
— Та-та-тра-та-та!
День Перемоги
і день поразки...
Хто вистояв,
і ради кого інвалідні коляски...
Скора смерть.
ОУН та УПА,
армія Власова,
і боротьба.
Арійська раса та Ізраїль
з Древнього Заповіту,
і теж боротьба.
Преступники и жертвы.
Преступление и геройство.
Передовая и тыл.
Множество безымянных могил.
Кости, кости,
когда-то люди.
Салют победителей
мы помнить будем,
это всё, что осталось
нам навсегда.
И память, память, память
жжёт в груди
и слезит глаза.
Война, война...
Даты и имена.
И миллионы — без имени,
памяти, —
здесь навсегда.
Оправдано всё.
Это была война.

05.05.2013.

На прошлых выборах
в сварламент
власть технологию
прогнала новую.
Покамест
оппозиция носила флаги,
бандиты, рейдеры, охрана,
считай, всё это — одна
и та же банда,
и пахан у них один,
на выборах
носили “ксивы”
журналистов.
Их рассекретили по
крупным рожелицам
и кулакам, которыми махали.
Весь мир удивлён был,
мы смеялись,
и дали им название такое
“пишущая братва”
в борьбе за правду, волю.
А тут: как пёс бродячий,
с лёжки,
к нам референдум
приближается
в период работы над картошкой,
и гордо он звучит
и смело:
“Референдум — власть народа”.
Это дельно.
Из чуланов повылазили
побиты молью
ещё на гадости привольны
в помощь власти
удержаться на плаву
и технологии бандитам
новые придумали.
Ого!

Теперь они будут
художники, артисты,
певцы, гимнасты цирка,
футболисты,
одеты в форму,
как на работе.
В руках их микрофоны
из железа, мячи наполнены
свинцом,
и гири, гири.
Дадут команду — и пошло —
крушить, лупить!
А оппозиция будет
флаги как всегда носить.
А, может, оппозиция
устроит нам театр?
Средневековые рыцари
в мечях,
тачанки с пулемётами
“Максим”,
будёновцы с шашками
наголо:
— Во, блин! —
скажут они на своем совете.
— У нас боксёр есть,
это...
Есть люди, что за нами
идут снова.
а эти расходы
на костюмы и мечи?
Да и слишком это ново
в политических баталиях...
Мы и так будем
народ смешить...

05.05.2013.

Ночью сегодня в четыре часа
мне дверь выбивали ногами,
хоть ждал я звонка.

— Спецпочта! Откройте! —
и я открыл.

— Вот здесь распишитесь.
Пакет вам, секретный,
письмо президента России.

А наш, интересный,
не пишет, не звонит,
лишь в телевизоре что-то
мусолит —

я потом долго не могу
разобрать.

Шифрую, обратно,
а всё мать да мать —

одни матюкалки
по линии нашей,
а для народа —

поздравленья, подарки.

Сядь, напиши как Путин —
всё ясно, разборчиво, чётко.

Даже приятно.

Вскрыл я пакет в сургучовых
печатах —

штук тридцать, наверное —
“Агенту 020”,

и начал читать письмо
не спеша.

Заварил себе чаю,
со вчера осталась лапша,
и так, вприхлёбку, вприкуску,
я важно читал
послание мне.

— Своеобразно, Вова.

На это лето и осень
планов настроил,
а мне их исполнять.

Тема одна:
создание империи.
Я то и “за”,
но без этой истерики —
без этих бонз,
ставших камнями
на дороге, где скорость
и ветер за нами.
Сначала б бульдозер,
и в кювет их снести,
чтоб помех не было
нам на пути.
А Путин жалеет
преданных,
проданных,
менянных,
клёпанных,
собранных,
вязанных,
плетенных,
вышитых гладью
а то и крестиком,
предавших всё,
что можно продать.
Бонзы-чиновники
как камни торчат.
Я дочитал письмо не спеша.
И начал ответ
тут же писать
о необходимости смены системы.
Поломка бандитства
на щебень.
По теме
национализации краденной
собственности
и создании честной пропорции
человек-государство,

где власть так прекрасно
будет звучать
на выборах в массах,
где их отчёт
будет читаться.
Без цифр и общих слов
по блудне,
когда язык помнит секс,
а тут, при народе,
те же движенья
языком и руками,
и выраженья,
и выражение лица говорящего
то ли он с женщиной,
то ли политик мозги проигравший.
А ещё нужно убрать олигархов,
почистить финансы
грязные в банках.
Жить по Законам
самого Бога.
А всё остальное —
только подмога.
Люстрация всех силовых
и бессильных за двадцать лет
в этой гнилой воротильне,
которая крутит и гнет,
и стирает
всю память предков,
и позволяет
свободу под солнцем,
но с автоматом,
взрывчаткой и бомбой
и маханным флагом.
А утром отдал
письмо спецкурьеру —
пусть Вова читает,

на совесть его
ещё я надеюсь.
На нашего — нет.
Давно вычеркнул из списка,
где у меня все
описаны.
Конечно,
нескромно с моей стороны,
но уж откровенно...

06.05.2013.

Запишите меня в комитет,
дайте мне документ,
а к нему пистолет.
Я устал от жизни бродяги:
то картонки, чердаки и подвалы,
то менты с облавой
на праздник,
то как гром с ясного неба
извращенцы-заразы.
Запишите меня в комитет!
Дайте мне документ
и большой пистолет.
Обещаю себя прокормить,
и, как сын президента,
смогу весь мир удивить.
Я за год стану
миллиардером.
Я подвешу пару олигархов
под потолок карнизом-барьером,
и вступлю с рейдерами
в их права.
Ты взорвешься от зависти,
моя, застывшая камнем,
страна!
Запишите меня в комитет,
дайте мне документ,
пистолет отдайте спецслужбам,
может, заработают
и они, неуклюжие.
А я так натрудился без дома,
а я так устал, и с дипломом
инженера военных заводов,
ядерщик-физик,
сплю сейчас под ржавым
памятником паровозу.

Рядом ходит какой-то шизик,
но в костюме и туфлях
страусиных.
А я в картонке
и рваной ткани,
а я в прикиде
дяди Вани,
что умер год назад
в степи
под Донецком.
— Си, си! — он мне сказал,
и тряпье своё отдал,
выпил водку
и умолк
как и шахты,
где лишь болт
во дворе мы с ним нашли.
Тем болтом и памятник
дядь Ване: — Си, си!
Запишите меня в комитет!
Не давайте вы мне документ —
я себе сам его напишу.
Чем я хуже
вас всех наверху?

07.05.2013.

Отдайте, отдайте, отдайте
мои фирмы, что
бандиты от власти забрали!
Отдайте, отдайте, прошу,
мне с них жить,
а не то напишу
я письмо президенту Обаме,
в котором расскажу о
нашей банде.
Забирают донецкие урки
всё, что видят,
что тянет их руки.
Думаю, леший борзой,
Коновалый,
Пидрахуй Серый им
подказали.
И менты, и суды не спасают,
и люд стонет,
а бандота жрёт на халяву.
Отдайте, верните, отдайте
мою фирму,
штаны и фуфайку!
Всё забрали ночью
с ножами.
Президент дал добро
этой своре,
что его поддержала.
Верните, отдайте, ворюги,
чужое имущество!
Стужа скоро вам
и шконка — на три
бандюка.
Увезём вас,
жируйте пока.

И прошу все равно
по хорошему —
отдайте, верните,
ведь гроши там...
А вы позарились, сволочи,
на чужое,
и забираете всё
к чему ваши грязные
лапы с копытами дотронулись.

07.05.2013.

— Конечная станция! —
прохрипел автомат
десятками пуль
в людей, что лежат
на месте том,
сроднившись с землей.
Я с ними был,
и видел тот ствол,
и видел огонь,
который летел
с каждой пулей.
Прицел
черной точкой судьбы.
Я уцелел как всегда,
тысячи лет,
привидением,
фактами
чьих-то побед.
Лучше бы летопись,
но кривая взяла
история имя моё навсегда.
Сегодня автомат
утонченнее стал,
кроме пуль извергает слова,
как тот яд, без огня,
но с напором
и хитро,
с помощью сил,
которые тащат
дивизии вниз
во мрак пребывания
уже навсегда.
Пули,
слово,
слова...
Болит голова.
Но не сдаюсь.

Избытый словами,
пробитый мой дух,
и тело всё в шрамах,
и раны болят.
Я солдат.
Мы вместе с историей —
по миру, по лику земли.
Что жизнь без солдата,
и без крови?
Нас бросают в атаки
за деньги и сласть
жизни взбесившейся
собаки, которая
с лицом человека,
но по-людски
не говорит.
И снова треск пуль,
и прыгает ствол,
извергая смерть и огонь.
Другими словами
и новыми ядами,
горячими, сладкими —
только сошли
со столов технологий
и уже положили
людей до земли.
— Я — история.
— А я — солдат.
— Говорят, я наука,
говорят, и не так,
лучше бы летопись
всех этих времён...
— А — я солдат.
Остаюсь навсегда воином,
хоть сегодня — облом...
Часто используют
в лихих делах,
и я, дуряя,

людей превращаю
в землю и прах.
Времена были разные,
правда,
скажи мне,
история,
и повтори.
Я всегда был солдат
и воин в душе,
а властелины
нас гнали,
часто поганью,
в цепь.
Но мы терпели
волю судьбы.
Скажи всем, история,
и покажи
душу мою
как флаг на ветру.
Пусть люди видят —
я воин,
не мясо для пушек
повелителей мира,
что не всегда
на виду.

09.05.2013.

Там, где я был
меня не найти.
Остались дела мои
и память.
В груди
в сердце моем
все места,
все события
плотным кольцом
мотком того фильма.
Я часто смотрю их
и дорожу.
Прошлое тянет
силой стосильной:
за что-то мне стыдно,
от чего-то счастливый.
И стыд тот
сжигаю,
стираю,
но он остаётся,
как бы играет,
избавить себя от него
невозможно,
лишь перекрыть
новой дорогой,
чистой и близкой
к законам от Бога.
Ими закрыть
можно прошлые дни,
где невесть
сколько стыда
перед собой
и людьми,
что вчера
были ещё
твои друзья.
Нас носит колесо
событий,

нас вертит
разум тихий,
а в нём как в омуте
всегда
есть место для большого зла.
Зло для других,
но жизнь по кругу,
и зло встречаешь ты своё,
и получаешь от него.
Оно достанет,
не уйти.
Нам мудрость бы
в начале жизни
и идти
с открытым сердцем,
но вязь пороков,
украшенных
зверством,
стают родными
и мы, иже с ними,
вместо зерна
сеем камни,
вместо хлеба
гоним важно
просящего взаймы.
Нет! Никак пока
не уйти
от несправедного
нам пути.
Сначала ржавчиной
покроем холод железа
сердца,
потом её отмыть
придётся кровью,
и от этого
нам никуда не деться.

09.05.2013.

Мне звонок
сегодня утром рано.
Голос зычный в трубке
говорит:
— Это правительственная
межобластная пилорама!
У нас завтра собрание
партийное по плану.
Вы выступаете по вопросу
коммунистов и терриконов
о праздновании Первомая,
о водке, проданной
за двенадцать дней гульбы страны,
о съеденном,
и пущенном в отход,
об огородах, грядках и посадках,
о роли гегемонов-партий.
По оппозиции пройдётесь
утюгом —
она гуляла тоже с нами,
а потом будет шуметь,
что пилорамы
простояли.
— Их кайлом бы нужно! —
ответил я.
— Подгоните братву,
но с ксивами
учителей начальных классов
закрытых школ
и фельдшеров больниц,
где нет лекарств и докторов.
Я выступаю.
Я понимаю важность
слова от парткома
семи ведущих партий,
приватизировавших пилораму.

Но вот бухгалтер ваш,
который президентом был,
ошибся:
и пилорама куплена была
уж слишком,
сказал бы, дорого —
за шесть рублей,
еще советских.
Сегодня нет их.
Днём с огнём не отыскать.
И стоят они дорого.
Опять же: с молоком
стало плохо.
Пилы резали коров
по пьяни дровосеков,
а лес продали на корню
донецким.
Плохо дело обстоит
и с мясом:
оно то есть,
но недоступным стало.
А иначе
парткому и нельзя —
народу много,
а в кооперативе, в среднем,
растёт одна свинья,
и та не хочет быть
котлетой,
а рвётся в политику.
Отпетой и откормленной
приходит,
а там, смотришь,
сорвала куш
на операцию пластическую,
и уж
не знаешь где был хряк,
а стал правитель,

кто сидел в свинарнике,
а теперь заведует корытом
в национальном банке.
Поганки!
Корыта-то похожи,
и кто там хрюкает
изменённой хирургом рожей?
Партийный комитет.
Предмет.
Может, совет.
Может, орудие труда.
Это сила направляющая.
Да. Как всегда.
— Ха-ха! Ха-ха! —
смеются рабочие по
пилорамам.
Объединённый партком
даёт всем
сверху жару.
И инвестиции,
и Евросоюз,
и Оттаможенный —
вопрос погруз
в решениях партийных.
А люди точат пилы, которые
ещё с советской эпохи,
и режут хорошо.
А голос
с холодильника,
всё тот же, важный,
прокричал:
— Тебя бы с партии, писательской,
взять исключить!
Ты же от жизни отстал!

10.05.2013.

Стук да грюк
в перегородку
моей спальни
из столовки.
Кто-то по столу крадётся,
чистит мебель,
если что-то там найдётся.
Был пакет
из под крупы,
сахара кусок
да стакан воды,
сладкой, с газом,
на похмелку.
Видно, выпили.
И эту мне издевку
перетерпеть.
Стук да грюк,
и всё сильнее.
Встать с кровати
нету сил,
праздник, видно, подкосил —
две недели выходных
мы гуляли.
Я привык,
что уже лишь стол, напитки,
музыка играет...
Слишком
сильный стук стучащих.
Что им нужно?
Я лежащий,
и подруга, не жена,
почти в коме, сатана,
так любовь
в себе развила
к сладким, кислым
разным винам!

И мешает с горькой водкой,
потом пиво,
и морковкой
лицом стала
оранжевая моя баба.
Но придётся гнать
подальше,
новую искать,
чтоб постарше,
и с квартиркой на продажу.
Потом жить с неё, заразы:
денег — пачки,
ой, недолго,
я спущу хоть Подмоскowie —
научили так гулять.
Благо, выходных
опять скоро будет
куча кучей.
А стук в стенку
всё могучей,
и сильней, и крик пошёл,
слышу точно, не козёл:
— Это я!
ЖЭК пришел:
— Возьми квитанции.
Уплати.
За квартиру. И так дальше.
Восемь штук всего.
— Возьми.
Завтра, слышишь, оплати,
а не то, снесем судом
хоть тебя,
а хоть весь дом.
Трезвым стал я за минуту.
Баба спит.
Ей что?

И, сука,
продала свою квартиру,
ей не платить,
живёт со мной
и бесит с жиру.
Денег нет уже никак.
Были...
Но праздник этот съел
всё так,
что должны в продмаг остались
и соседу, из бригады,
тот рванёт стилетом скоро.
Что же делать?
И я встал на ватные ноги,
вышел как на смерть
в столовку,
а там комиссия —
друзья с помойки.
— Пошутили, — говорят. —
ЖЭК будет завтра.
А сегодня есть что пить,
и есть что жрать,
будем праздник продолжать!
Завтра...
И придёт ли завтра?..

10.05.2013.

Гони ощущения тела
как волков в ночи,
которые на тебя налетели.
От тех и других
только страх и опасность.
Гони их,
хоть иногда всё прекрасно,
и тело вибрирует
музыкой радости,
но не для этого
мы в мир вошли.
Вольности
ощущений кощунственны,
они увлекают в грех,
и он чувственный
и бесконечный в обмане
эмоций.
Ты выгораешь впустую,
и очень желаешь
еще больше
огня.
Он нарастает,
но для тебя
это последнее
в мире надежд.
Все грезы, мечты
отданы чувственности
и регресс
личности
можно сравнить
с реакцией
ядерной,
цепной —
одинаково
всё распадется,
дух помутившийся
как-то сорвется
и полетит неизвестно куда.

Потерянных личностей
через года
отыщут случайные
путники дальности,
что в бесконечности
ищут не радости,
а в тех же трудах
тяжелых и вечных
Богу помощники.
В вечности.

11.05.2013.

У вечірнім полі
по дорозі
їде віз
без коней,
без людей.
Старий, весь скрипить.
Я на нього і заліз.
На землю
падала вже ніч.
Віз набирав ходу,
і хутко через
річку перелетів,
піднявся на метр-два,
і, ракетною, під хмари.
Я злякався.
Пальці білі від напруги
у драбини уп'ялись.
Заплющив очі,
і тільки вітер
холодом по голові.
І раптом стихло все.
Віз мов човен плив
над хмарами всю ніч.
Місяць, зірки
мені світили.
Піч
з'явилася на возі,
вже з вогнем.
Там кипіло і шкварчало,
і хтось до мене
наближався з висоти.
Може, гість?
Та ні. То чобіт мій,
що з мене був злетів,
бахнув каменем
в солому.

Дістав я з печі борщ,
печеню,
повечеряв
і забув про все.
Заснув...
Прокинувся.
Зажди!
Зал великий...
Люди...
І я доп'яв:
те все мені приснилось,
поки куняв...
Збори йшли партійні,
і лідери вили
мов тічка собак.

11.05.2013.

Проснувшись утром ранним,
я погладил живот бабий
и хмурым стал опять.
Всё как всегда.
Ты глядь,
вчера была красавица
на полресторана,
а утром — страшно глянуть,
может, устала?
Но не работает она нигде,
спит и гуляет,
и, чаще, в кабаке.
И я пошел на кухню
выпить воду.
Но вдруг звонок
из мойки,
незнакомый,
и голос оттуда
с кашлем и сморканьем:
— Ну что, шпион?
Попался на задании?
Ты наш теперь.
О, зверь,
сработалась! Не подведи.
— Ты кто? —
угрюмо я спросил.
— Я — президент твоей страны.
Ты должен знать меня.
Одень штаны,
стоишь раздетый
пред главкомом!
И я напялил что-то на себя.
Знакомо.
Уже опять в тисках.
— Слушай, парень,
мне нужен Путин
здесь.

Живьем, конечно,
но как наш.
Иди и исполняй!
Я выпил воду,
и поплелся в ванну.
И только поднял крышку унитаза,
оттуда вновь звонок —
торнадо,
а не музыка от соловья:
— Я Вова Путин!
Ты нашелся?
Гля,
красавец!
Сколько дней?
Ты наш теперь
российский, блин, агент!
Задание тебе простое:
президента вашего
пригнать тайком
мне в Белополье,
небольшой наш городок,
что под Самарой.
Пригнать его,
и твои потом
все награды и фанфары.
Не писай, парень, на
мою ты голову опять —
это система связи,
а не унитаз!
И я полез под душ.
Воду включил,
взял гель, шампунь,
но кто-то начал спину мыть,
и шепот мне на ухо:
— Цыц!
Я Сильвио.
К тебе приплыл трубой
с горячей, наконец, водой.

Распарился, зараза,
стал как губка —
это я тебя мою,
чтобы проверить руки,
и жив ли я ещё.
Задание тебе:
ты наш уже шпион —
разведка не для всех,
не дуракам,
а ты в ней, парень,
как в своём саду,
гуляешь то тут, то там.
И бабы у тебя свои,
моих ты игнорируешь.
Смотри,
какие телом,
не то, что та,
подстава, из ресторана.
Да-да,
то твой главверх
с себя сорвал!
То разве телка?
То самосвал.
а я приплыл с “ферари”,
возьми одну сейчас
ради меня и моей Анны —
она получше всех.
И я почувствовал
вдруг руки на своих ногах,
они скользили нежно вверх.
А Сильвио просил
устроить его на работу здесь,
как Шредера в России,
газ добывать сланцевый.
— Красиво будет всё!
— Очень прошу, уйди!
— Я не доплыву по трубам!

— Уйди верхом
к подставе-бабе.
Уйди, прошу ты,
гада!
Я всё исполню:
и здесь, и там!
...И Берлускони
вышел с ванной сам.
Всё кончилось,
как началось.
Я плавал в ванне,
глядя в потолок.
На нём лежала Анна,
прикрыв рукою лоб.
Вот это жизнь
пошла сегодня утром!
— Анна,
спустись ко мне!
— О нет!
Пока не выполнишь
шефа ты задание,
я не твоя.
Я просто так —
картина “Анна”.

11.05.2013.

Все думали, что
дважды генерал
Мышковский взял
два миллиарда долларов
за телеканал
и за границу убежал.
Генерал Мышковский —
аскет,
живет как кожаный жилет —
служит и просит чуть-чуть краски,
и то так редко, для подкраски.
Он разведчик до мозга костей,
в Европе шарил
кто мощней, а кто слабей,
и доложил главкому так:
— Австрия слабее немцев. Факт!
Но, попав в магнитный
пояс ям по времени,
Мышковский и главковерх наш
стали как женщины беременны,
и на сносях:
и то не так,
и то не так.
В мозгах еда, еда —
котлеты.
И они ели всё подряд,
а в перерывах говорят:
— Мы можем Австрию легко
забрать, там денег
в банках под завязь.
Но нужно кампанию начать
сейчас,
чтобы войска империи Османской
обогнать
на месяц-два.
Султан хан Сулейман
готовится опять —
есть данные, и это факт.

Паша Ибрагим работает на нас,
да и Гюрем-султан решила
помогать —
она же вся от нас,
её здесь корни.
— А таки так!
И, перепутав всё и вся,
рассветным утром рать наша пошла:
вся армия, милиция и чиновё,
пошли все, кто мог
нести ружьё.
И вот граница Австрии.
И тишина такая,
что у гвардии
ноги подкосились
как ко сну.
Но войска шли на
эту блиц-войну.
Прошли так километров пять,
сел несколько смяли.
Глядь,
навстречу НАТО,
то, в которое вступать
вроде хотели,
а вроде нет.
И полетели самолёты,
танки пошли
и два полка пехоты,
и гнали нас через всю
страну,
стараясь не навредить
из наших никому —
ни ранить, ни убить,
и через Крым
на Турцию
всех отвалить.
Мильёна два
вогнали, блин, в Босфор!

А Украина хлебом-солью
встречала НАТО:
за свободу.
Турция с ума сходила:
нет Сулеймана, считай,
годков пятьсот.
И выла труба
армейская, Османов —
нет давно,
империя упала.
...Мышковский шарф
достал специальный —
на нём окончил жизнь
генерал двузванный.
Главком остался жить в Стамбуле.
Армия разъехалась.
Аулы
появились по пустыням —
наши обустроивали
жизнь свою
и активно женились.

11.05.2013.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Зима в этом году была как никогда.

Лет сорок такой не помню. Снег как начался первого декабря, так уже и не останавливал своё свободное падение.

Было красиво.

Снег падал, потом, попадая на потоки ветра, поднимался вверх, кружился, падал вниз.

Ветер играл снежинками. Ему было скучно, зима длинная, он то знал планы небес.

А служба тяжелая. День и ночь гнать потоки воздуха, затихая ненадолго, а потом снова срываясь с силой и воем.

Ох ты, ветер...

Я всегда считал его своим близким родственником, безусловно старшим намного. Но при этом, испытывая его любовь ко мне, он был мне как брат.

Хоть я намного спокойнее, редко срывался на вой, чаще на русский мат. Какой же воин без мата?

Мы славяне.

Мат — это стыдно, но он похлеще палки и даже иногда огнестрельного оружия. Но я поубавил свою прыть и в мате.

Слишком близко рука Бога. Я её чувствую, и мне стыдно за плохие поступки. И не только свои.

Смотрю кино. Там врут, а я переживаю за героя, мне стыдно за него...

Зима подтаяла, оттепель за неделю в начале февраля унесла много снега обратно, но уже в виде воды и тумана, скорее пара. Но это послесловие к поэтической книге, а не учебник физики. И туман звучит более романтично.

Эта оттепель вместе с зимой унесла моего отца в вечность.

Я часто вспоминаю его, скучаю.

Через неделю-полторы начался циклон. О нём предупреждали заранее, но мы славяне, нам всё по ба-

рабану, и зная о циклоне, мы всё-таки считаем, что он напал внезапно.

Утром я уехал в музыкальную школу на академконцерт внучки Марии под первые аккорды снега.

Академконцерт поднял мне настроение, дети играли на рояле, это было очень красиво, особенно если ты выскочил из зоны особого назначения современного мира и скрылся на пару часов от идиотизма и бандитизма соединенных в одно целое. Это похоже на пиратский корабль, где одни берут на abordаж богатое судно, другие стреляют без конца, третьи пытаются поджечь бочку с порохом, но кресало и прочие атрибуты рассованы в разных местах и поджечь нечем. И это всё одна команда, один народ и все — пираты, с опытом ста лет тырить.

Я отвлекся.

После концерта я был в гостях у дочери, а в двадцать один час с Марией и женой, любимой в тот вечер, мы пошли домой. Ветер сбивал с ног, снег по колени, общественного транспорта нет, кто-то едет, а кто-то бросил машину и ушел...

Людей на улицах нет.

Внучка от счастья прыгала и падала в сугробы.

Я выбрал путь зигзагами улиц и домов, прижимаясь к стенам — там ветер был легче.

Снег падал сплошной завесой. Я никогда не видел такой стихии.

Не было снегоочистителей, не было специалистов по чрезвычайным ситуациям. Не выдержал — падай в сугроб и испускай дух.

Это наша страна, которая идёт в Европу, не то боком, не то задом, а то и по пластунски, как в военной разведке, ползёт.

Как я и предполагал, возле красного корпуса университета, внучка попросила посадить ее себе на плечи. Она говорила:

— Мне скоро пять лет. Что мне делать?

Через час мы были дома.

Метель бушевала три дня.

Потом власть оправдывалась за плохую работу служб, а народ оправдания принял, как всегда.

Люди, зная убожество власти, её болезни как то клептомания, недержание речи, буйство, всегда прощают власть и жалеют ее как обреченную на низкое и подлое выживание. Спасением когда-то была оппозиция. Но потом она попродавалась, поменялась, разлезлась, размягчилась и потеряла доверие электората. И только отдельные верят оппозиции и её жалеют.

Я из этих отдельных.

А власть симулянт и хитрый змей из детских сказок. Ей нужна порка как когда-то в школах или сегодня в других странах, где вначале стреляют, а потом смотрят кто это был. А чего ты здесь ходишь? Что, мало земли свободной?

Снег растаял, хоть и с опозданием, в апреле, но ушел быстро.

Город Киев, который власти обещали запаводковать, утопить, и потом, может, даже перенести в Донецкий регион, выстоял.

Днепр тихо несет свои воды.

Идёт пост.

Я грешу и пишу, а пишу, значит, грешу.

Я не могу видеть и молчать. Мои плечи опущены от тяжёлой жизни, неправды, лжи, обмана и унижений.

Смотрю на других людей и иду: как все.

Относительно честно.

Бывшего мэра Чертовецкого терриконопольные политики проверяли на детекторе лжи. Детектор показал, что он христианин, верующий, семьянин и на тот момент непьющий.

Чертовецкий купил с потрохами детектор лжи и его операторов. Пил, гулял с бабами, бросил жену, семью, украл миллиард, отстёгивал откаты в террикагальные правящие органы и сбежал из страны. Но уже дважды пытался повеситься и застрелиться. Его спасали.

Так пробивают черти дырку в совести, чтобы сделать туда укол и возбудить очаги покаяния.

Но тщетно.

А их таких при власти... Да почти все!

И в оппозиции тоже есть.

Сидит утром у детектора лжи, а в обед в Администрации президента сюсюкается, а вечером молодую девушку бах-бах-бах. Но не с ружья. А так как все. Вот так и проходит наша жизнь. Не хуже чем у людей.

Юрия Луценка выпустили из тюрьмы и вся страна надеется, что он и оппозицию развалит, и власть раздраконит, а все это будут смотреть в телевизоре в прямом эфире.

Я люблю тебя, жизнь!

Я пишу от любви к Богу и людям.

Я не зол и не агрессивен.

Я счастлив, чего и всем желаю.

P.S. Вчера поздним вечером включил телевизор, любимый канал TVi. Канал оппозиционный, генеральный директор народный депутат от оппозиции. Телеведущие на беседах с представителями депутатской фракции оппозиции жарят их как сотрудники НКВД и прокуроры в далёких тридцатых годах двадцатого века. То есть, канал к народу лицом. А тут, уже не первый раз, клуб эротики. Девочки раздеваются, показывают все и ведущий за кадром гундосит: звони! шли СМС! И номера телефонов плывут.

Но это лохотрон. Юнцы звонят, а мамы, папы платят огромные деньги за любые фантазии и удовольствия этих, простите, проститутток.

Я сам думал: звонить, не звонить?

Выпил пол-литра водки.

Не берёт.

Добавил.

Не берёт.

Добавляю ещё.

Долго жду, а экран зовёт.

Смотрю, это не водка, а минеральная вода.

Жена пошутила.

А они зовут.

Ночь не сон, а мука.

А канал лицом к народу.

А что же те каналы, которые лицом к власти?

Везде идут суды: судят, пересуживают, путаются, забывают, начинают сначала. И всё по власти. И для власти.

Если в это вникнуть, пенсия гарантирована, но по слабоумию.

Надоест всё, может, и начну вникать в судебные дела по власти и для удержания власти.

Готовят референдум с трёх точек сразу: с Нью-Москвы, Конче-Заспы и с Банковой, от президента. Власть хочет остаться здесь в бессмертии, не умирая и не уходя.

С таким народом у неё есть большой шанс. Я, может, пойду во власть, чтобы получить этот эликсир бессмертия. И всех прошу: идите и живите.

А на референдум пусть идут ваши домашние животные — коровы, коты, собаки, куры.

Не смешно...

А, может, смешно, но больно.

15.04.2013.

Содержание

<i>М.Малюк. Преодоление одиночества</i>	3
«Я не хочу жить как все...»	11
«Город задыхается автомобилями...»	14
«Сон беспокойный...»	16
«События печальные...»	19
«От десяти до десяти...»	21
«Рядами, рядами...»	23
«Мудрованин на диване ...»	26
«Кто-то когда-то учил...»	29
«Мне не нужен...»	34
«Эх ты, серость для всех...»	36
«Снова цветёт миндаль...»	38
«Я бросаю в реку...»	39
«Я вас, блядь, построю...»	41
«Початок тільки...»	42
«И снится мне сегодня сон...»	46
«Если лодку ведёт Бог...»	49
«Березень місяць...»	51
«— Радий бачити...»	55
«Кричав голововерх...»	58
«Березня стікали дні...»	60
«Белые аисты...»	63
«По Крещатику идут колонны...»	65
«Безработица и кризис...»	67
«— Чин забрали...»	71
«Слёзы Марии Магдалины...»	74
«Встану...»	76
«И как Моисей сорок лет...»	79
«Пориви вітру...»	81
«И как когда-то Соломону...»	83
«— Вышинский-то здесь...»	86
«Если бы я был...»	90
«Я вечный поэт...»	91
«Я ловлю рыбу...»	93
«Город из мрамора...»	96
«Я найду тебя...»	98
«Снова мысли бомбардируют...»	100
«Что же было там вначале...»	102
«Когда-то в кабинете...»	106
«Звучит очень гордо...»	109
«Всасываясь сквозняком...»	111
«Евро-2012 отыграли...»	113
«Я считаю метры, километры...»	117

«Тарас Шевченко. “Заповіт” народу...»	121
«Любовь и страх ...»	125
«Разбалансирован климат планеты...»	128
«Офшоры, офшоры...»	132
«— Мама-лётчик...»	135
«Писал книжки наш президент...»	137
«От цинизма циников...»	139
«Повінь...»	142
«Власть...»	146
«Утром рано...»	149
«Как-то скучно стало жить...»	153
«Целый день пил я пиво...»	158
«Умствующая фигатень...»	162
«Вова Путин снова звонит...»	165
«В своих снах...»	169
«И тот мотив...»	171
«Шаги, шаги, шаги...»	173
«Великие люди...»	177
«У меня нет желаний...»	181
«Утром ранним вновь звонок...»	183
«Как из дворца ...»	186
«А мысли кругом в голове...»	188
«— Кондратий, хватит...»	190
«Сила таранит...»	192
«Стрелой горящей...»	194
«Который день...»	196
«Он креативным был...»	200
«О, девочка...»	203
«“Референдум — власть народа” ...»	205
«Огонь сорвался с лампочки...»	208
«Циничность оторвавшихся...»	210
«Стремительное...»	213
«течение чистой быстрой реки...»	213
«Ошибка политика, правителя...»	216
«Шлях, дорога...»	219
«В церкви сдачи не дают...»	222
«Круг за кругом...»	224
«В Гуті серед ночі...»	226
«Дитина...»	230
«Мати...»	230
«В глубинах ночи...»	231
«Без принуждения...»	234
«Жена варила борщ...»	238
«Головы отрезают людям...»	240
«Великая Россия...»	242
«Я вновь читаю стихи...»	245
«Шел я полем...»	250
«Скоро мы войдём...»	252

«Я всё сделаю...»	255
«За речкой лес дубовый...»	258
«Если ты имеешь что-то...»	260
«В нас уже украли праздник...»	263
«Колеса роскошного автомобиля...»	264
«Стоны, стоны...»	268
«Необъезженный конь...»	271
«Легенды та міфи...»	273
«Неділя. Смуток...»	275
«Війна, війна...»	277
«На прошлых выборах...»	279
«Ночью сегодня в четыре часа...»	281
«Запишите меня в комитет...»	285
«Отдайте, отдайте, отдайте...»	287
«— Конечная станция...»	289
«Там, где я был...»	292
«Мне звонок...»	294
«Стук да грек...»	297
«Гони ощущения тела...»	300
«У вечірнім полі...»	302
«Проснувшись утром ранним...»	304
«Все думали, что дважды генерал...»	308
Послесловие	311

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

М75 Нуль і згряя. *Поезії*. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2013. — 320 с.

ISBN

В новій книзі Анатолій Можаровський пише про взаємонерозуміння, про абсурдність буття нинішнього часу, про трагічну самотність людини. Його поезія дивовижно суголосна з творчістю великого італійського кінорежисера Федеріко Фелліні.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 17.06.2013.
Формат 60х100 1/16. Зам.
Ум.друк.арк. 22,20.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.